

САМЫЙ ТЁМНЫЙ УГОЛ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

РОМАН БАШАЕВ

18+

Роман Башаев
Самый тёмный угол.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71877922

SelfPub; 2025

Аннотация

Что это там зашевелилось? Вон там, в самом тёмном углу... Да какие, к чёрту, призраки! Есть вещи куда более страшные. На первый взгляд, привычные и безопасные, лишённые всякой мистики. Но только на первый взгляд.

Содержание

Вместо сдачи	4
Белыми нитками	17
Доказательство	40
Быстро поднятое	66
Вовремя вернуть	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роман Башаев

Самый тёмный угол.

Сборник рассказов

Вместо сдачи

Приятная прохлада наполнила середину тела и потихоньку расплзалась в стороны, прогоняя ненавистный жар. Увы, скоро маятник качнётся обратно, и я стану мокрым и липким от пота. Но пока было очень хорошо.

– Ну, как выходные? – спросил я, поставив кружку на потёртую столешницу.

Кроме нас в уличном кафе не было никого, вечер только начинался.

– Да как обычно, – пожал плечами Вадим, задумчиво потягивая своё пиво и разглядывая прохожих. – Я играл, Ленка читала. Вместе пару фильмов посмотрели.

Коллега был не слишком общительным, новых друзей заводил неохотно, а старых в браке почти растерял. Но попить после работы пива не отказывался. Домой он явно не торопился и по супруге не скучал.

– Веселуха... Вам бы детей, что ли, завести? – издеватель-

ски подмигнул я.

– Мляаа, ты ещё! – огрызнулся Вадим. – И так вся родня задолбала... Все эти «часики», «кружки с водой», «зайки-лужайки»...

– Да не кипятись, – я дружелюбно улыбнулся. – Дай поиграть в стереотипного советчика. Ребёнок – тот ещё хомут, на самом деле. Хотя нам с Танюхой помог не разбежаться, это факт. Просто вы странные. Это я тебе в глаза говорю, пока остальные за спиной шепчутся. Ни гостей, ни компаний, ни увлечений.

– Ну почему, увлечения есть. Я играю, она читает. Чем не увлечения? Лучше, чем бухать-то.

Вадим посигналил жестами в сторону бара, чтобы нам принесли ещё пару кружек.

Этот разговор состоялся два года назад, но я почему-то запомнил его очень хорошо. С тех пор мы с Вадимом стали если не друзьями, то довольно близкими приятелями. Я был единственным из коллег, записанным в его телефоне не по фамилии. Даже не совсем по имени, а панибратской формулировкой «Серый».

В семейной жизни Вадима всё было по-прежнему. Казалось, в их доме время остановилось. Он, как и я, работал логистом на крупного провинциального «дядю», Ленка труди-

лась в аптеке. Много лет они снимали одну и ту же квартиру, завели кое-какую живность. О детях не задумывались – всегда чего-то не хватало: квадратных метров, круглой суммы, всей этой геометрии стабильности. Зато никакой ипотеки, никаких переживаний, никаких квестов «со звёздочкой» из набора «садик/школа/больница/одеть/накормить»... То ли дело я, выполнивший все пункты стандартного «Каку-всеха» уже к двадцати пяти.

Иногда я завидовал их простому, замкнутому и немного разгильдяйскому быту. Зависть вызывала и Ленка. Особенно в сравнении с моей Танюхой, порядком располневшей после родов. Долгое сидение дома не расширяло кругозор супруги, хотя она как-то ухитрялась зарабатывать своими статейками. В очередной раз слушая её пустую, до ужаса бытовухную болтовню, я думал, что жизнь несправедлива. Вот же, совсем рядом – красивая и умная женщина. С ней всегда есть, о чём поговорить. Но принадлежит она человеку, который этого абсолютно не ценит. А мне досталась Танюха. Вместо сдачи, наверное.

Другой разговор, который врезался в память, произошёл через полгода после первого. Мы с Вадимом остались в конторе вдвоём – нужно было срочно привести бумажки в порядок до конца декабря. Пили кофе, разговаривали о том

о сём. Он давно втянулся в работу, набрал килограммов и имел несколько несвежий вид. Однако, прежняя задумчивость и угрюмость, вроде как, отступили.

– В спортзал пойду с нового года! – уверенно заявил Вадим, накидав в чашку с десяток кубиков сахара.

– Ну-ну, – усмехнулся я, глядя, как он размешивает ложкой жопослипательный эликсир.

– Да это я напоследок, – отмахнулся коллега.

– А чего вдруг? Любовницу завёл? Или Ленке понравиться решил, наконец-то?

– Да пошёл ты! – беззлобно огрызнулся Вадим, прихлёбывая из чашки. – Ленка начала движуху, а я чем хуже?

Он поведал, как его жена в завалах самиздатов накопила интересного автора. Насколько я знал, Ленка не читала откровенный ширпотреб вроде любовных романчиков или сказок про «попаданцев». Ей нравились головоломные детективы, триллеры и разная психологическая мрачнуха. Иногда с элементами мистики. Некая Лана Кардинал писала рассказы, сочетающие в себе все любимые Ленкины жанры. А самое интересное, что героиня историй была словно списана с самой Ленки. Внешность, характер, вкусы, привычки – всё пугающе совпадало до мелочей. Даже в окружении персонажа многое было схожим.

– Вроде мужа-дурака? – не удержался я.

Вадим пропустил шутку мимо ушей и продолжал увлечённо рассказывать. Конечно, героиню звали не Лена, рабо-

тала она не в провинциальной аптеке, а была кем-то вроде детектива-эзотерика в крупном городе. С чего-то вдруг Ленка решила, что поступки этого персонажа и их последствия вполне проецируются на её жизнь. А ведь была далеко не душой.

– И как она это поняла? – поинтересовался я.

Вадим повозился с кофемашиной, вернулся за стол и снова добавил к стандартной формуле напитка пригоршню сахарозы.

– Она сначала по приколу это всё. Мол, если два человека настолько похожи, то и дела у них должны пойти одинаково при равных условиях.

– Но один-то из них выдуманный, – напомнил я.

– Так ведь работает!

Я поднял брови, выдавая искреннее удивление. Вадим продолжал:

– Героиня завела четыре особых кактуса. Расставила их как надо. Фен-шуй, все дела... После этого её повысили в звании в ФСБ, или как оно в их мире называется... Так прикинь, и Ленка, как только завела эти колючки, стала замом заведующей в своей аптеке!

Я не стал рассуждать о совпадениях и о простой логике карьерного роста для тех, кому «пора». Первобытные верили, что тыканье копьями в рисунки ведёт к успешной охоте. Некоторым современным людям для воплощения задуманного тоже нужны «костыли».

Следующий раз мы поговорили по душам только через год. Снова был декабрьский аврал, который мы с Вадимом вдвоём разгребали допоздна. С тех пор много чего произошло. Ленка всё так же «чудила» по стопам своего книжного «двойника». То занималась йогой, то затеивала капитальный ремонт, то делала татуировки или раздавала вещи бедным. Порой могла уехать за тысячу километров, никого не предупредив. Вадим, конечно же, сразу забросил спортзал, но и без него основательно похудел и осунулся. Вдобавок начал курить и редко, но метко выпивать. Видно было, что обновлённая семейная жизнь даётся ему гораздо труднее, чем пресная и вялая бытовуха. Коллеги втихаря делали ставки, как скоро супруги разведутся. Один даже предложил пари, кто кого в итоге грохнет, но такую чернуху не поддержали. Возможно, зря.

Вадим пил чёрный кофе, на этот раз без сахара, но с сигаретой. Курить в офисе запрещалось, но его это не слишком беспокоило. Он сидел на подоконнике с приоткрытым окном, выпуская дым и нагоняя морозный воздух с улицы. Я опечатал последнюю папку и, после некоторых раздумий, вытащил из сумки бутылку хорошего коньяка. Вадим криво усмехнулся, но его загоревшийся взор был очень красноречив.

После пары банальных тостов разговор наладился. Не выдержав моих выжидающих взглядов, Вадим сломался.

– Кукухой моя Ленка едет, Серёг. Не знаю даже, как быть.

Он снова закурил и несколько минут молчал. Потом, собрав мысли в кучу, поведал нечто довольно дикое.

Лана Кардинал продолжала регулярно выпускать новые рассказы. Минимум, по два в месяц. «Закидоны» героини становились всё более нелепыми, не отставала и Ленка. Однажды из квартиры странным образом исчез кот. Ленка делала вид, что ничего не знает, но Вадиму хватило ума полистать первоисточник. Выяснилось, что для спасения чьей-то жизни героине пришлось принести в жертву любимого кота. Кровавый ритуал был описан с пугающими и отвратительными подробностями. Вадим устроил грандиозный скандал, и Ленка во всём призналась. Убить животное она не смогла, просто отвезла на деревенское кладбище и оставила там. Возвращать его в дом отказалась наотрез, устроила истерику.

Чем больше мой коллега рассказывал, тем сильнее у него дрожали руки. Мы выпили еще по одной, и я попытался его поддержать:

– Ну, кота не убила – это уже хорошо.

– Кота-то не убила...

Вадим замялся, словно раздумывая, стоит ли дальше выносить сор из избы. К счастью, он был из тех, кто, сказав «А», всегда договаривает оставшийся алфавит.

– Месяц назад, в её день рождения... Прихожу с работы пораньше, с цветами. Ленка весёлая, на редкость прямо. Наготовила всякого, стол накрыла, красиво так. Сели ужинать. Сначала, говорит, надо съесть суп... название какое-то не русское, не помню... по особому рецепту. «Бодрит и освежает чувства», – так она сказала. Там один бульон почти, овощей чуть на дне. На вкус – куриный. Ем, нормально. Вдруг смотрю, зелёное перо плавает. Меня что-то прямо кольнуло, я бегом на кухню к кастрюле. А там Кешка, наш попугай... Она его вместе с перьями и головой сварила целиком... Я впервые в жизни её ударил, Серёг. Прямо по лицу. И сблевал тут же...

Несколько минут мы молчали. Вадим закурил очередную сигарету. Дрожь в его руках, как ни странно, уменьшилась. Вероятно, ему давно надо было с кем-то поделиться.

– Да уж, – подытожил я, качая головой. – Догадываюсь, откуда рецепт.

– Откуда же ещё?! – процедил сквозь зубы Вадим, размазывая окурок по подоконнику и отправляя его в недолгий полёт со второго этажа. – Приворотное зелье, блин! В рассказе та идиотка хотела мутить с каким-то мужиком. Тоже эзотерик, они там все из этих... Следила за ним, вошла в дом, сварила его канарейку. А у нас – видишь, как удачно совпало, что далеко ходить не надо...

– Ну есть и плюсы, – осторожно заметил я. – Она не кого-то пыталась приворожить, а тебя, своего мужа. Вот только

успешно ли?

– Шутишь? – отмахнулся Вадим. – Я на неё теперь смотреть не могу иначе, как на психопатку. А она со мной после той затрешины не разговаривает. Уже месяц.

Я сдержал неуместную улыбку. Ситуация казалась довольно комичной, хотя попугая было искренне жаль.

– И это ещё не всё! – загадочно ухмыльнулся Вадим, захлопывая окно и возвращаясь к столу за новой порцией коньяка. – Я решил разобраться, кто ж такая эта Лана Кардинал. Имя-то, сука... Как у порноактрисы какой-нибудь! Весь интернет перерыл – нет такого писателя. Нигде, кроме единственного графоманского сайта. Ни биографии, ни фоток, ни контактов. На гостевом форуме – куча сообщений, больше всего – от Ленки. Все без ответа... Кто это вообще? Откуда она столько про Ленку знает? Зачем героиню с неё срисовала? Ну не может это всё быть совпадением!

Мне в голову пришла довольно логичная версия, которой я поспешил поделиться с коллегой:

– А ты не думал, что это сама Ленка пишет? Начитанная, умная. Может ведь?

– Зачем ей? «Книгу пишу, а то читать нечего?»

– Ну а что если она давно хотела перемен? Но не решалась. Искала какого-то символического подтверждения? Вот и создала «двойника», на котором проверяет последствия разных действий.

В моей голове снова возникла картинка из учебника исто-

рии, где пещерные люди тычут копьями в плохо нарисованного мамонта. Вадим молчал, переваривая мою гипотезу.

– Вроде, возможно, – сказал он, наконец, – но что-то не то. Не все поступки идут ей на пользу. А некоторые – вообще полный трэш, как с котом или попугаем... Или что, персонаж перестал её слушаться? А нафига Ленка на форуме сама себе сообщения пишет? Шизофрения какая-то...

– Ты сам-то что думаешь? – спросил я, разливая остатки коньяка по кофейным чашкам.

– Думаю, что это кто-то другой. И думаю, не обратиться ли в органы, пока не поздно?

Последний наш разговор состоялся вчера. Вероятно, последний, потому что других вариантов не оставалось. Я не видел Вадима уже почти полгода – с момента его увольнения. С тех пор о них с Ленкой в конторе никто ничего не слышал. Но я был чуть ли не единственным его другом, поэтому, забежав за какой-то справкой для налоговой, Вадим отозвал меня в курилку. Мы долго обменивались общими фразами. Он ещё больше похудел, оброс неряшливой бородой и вонял перегаром. Я решил подтолкнуть его к серьёзному разговору и прямо спросил:

– Говорят, полиция у вас была? Что-то случилось?

Вадим заметно напрягся, бегая взглядом по заплёванному

кусочку двора. Но я знал, что он поделится, ведь для этого он меня и позвал.

– Слышал, бездомного убили у реки?

– В местных новостях что-то было, – кивнул я. – Свои по пьяни? Или гопота?

– Свои разве что порезать могут, а гопота – забить на-смерть или поджечь. А этот отравлен.

– Пффф... Тогда понятно, – уверенно сказал я. – Бомжи какую только гадость не пьют.

– Такую – не пьют. Слишком дорого и по рецепту. Не знаю, с какого перепугу его вообще вскрывать надумали... Но факт в том, что не сам он это. Вот теперь всех аптекарей проверяют. И Ленку тоже.

Вадим выбросил окурочек и сразу снова закурил. Я друже-ски хлопнул его по плечу:

– Мало, что ли, у нас аптекарей? На каждом углу – пив-нухи и аптеки. Погоди-ка...

– Да, ты всё правильно понял, – глаза Вадима загорелись какой-то новой мрачной обречённостью. – Грёбаная Лана! Её героиня застрелила старика. Типа, демона изгоняла... Мир спасла, у самой жизнь наладилась... Всё как обычно. Вот только у Ленки жизнь после такого не наладится... Даже если не докажут ничего...

Мы долго молчали, разглядывая урну с окурками. Я решил не спорить и не успокаивать, а просто сказал:

– Разводись, пока не поздно. Ведь утащит тебя за собой.

– Поздно, Серый, – грустно улыбнулся Вадим. – Это мой крест, и я буду его нести до конца.

Давно перевалило за полночь. В темноте комнаты светился только экран компьютера, бликом отзываясь в залапанной чашке с кофе.

Сука, ну почему ты такой тупой и упёртый?! Почему не бросил её, пока это не зашло так далеко? После сраного попугая, например? Какой мудака будет жить с напрочь поехавшей бабой, которую он даже не любит и трахает только по праздникам?!

А девочка молодец. Легко втянулась, красиво играет, самоотдача на высоте... Кота не смогла, котики – это святое. С попугаем было легче. А после бомжа отступать уже некуда. Планка задрана до потолка, выше – только чердак. Чердак у неё слегка не в порядке, но это временно.

Девочка молодец. Импровизирует, когда нужно. Не было ствола – додумалась до таблеток, умница. Моя Ленка... МОЯ, сука, слышишь?!!

Я потёр виски и сделал глубокий вдох, успокаиваясь и приводя мысли в порядок. Осталось выждать несколько дней, пока менты не закроют дело того бомжа. Как раз хватит времени всё продумать. Финальный рассказ Ланы Кардинал должен получиться особенно остросюжетным. Возмож-

но, кроме тупого мужа, героине стоит изгнать демона из одной бестолковой толстухи? Но кто же тогда присмотрит за сыном, когда мы с Ленкой сбежим? Хотя...

Какая Танюха, какой сын? Перед кем я тут притворяюсь?

Я оглянулся на комнату убогой «однушки», заваленную мятой одеждой, объедками и упаковками. Плохо пахнущий мирок, в котором компанию мне год из года составляли только многочисленные тараканы. Они – настоящие. И я – настоящий. И Ленка. Всё остальное досталось работодателю с моим резюме. Вместо сдачи.

/08.2021/

Белыми нитками

Допотопная тяжёлая дверь на пружинах громко хлопнула за спиной, заставив Олега вздрогнуть и немного взбодриться. Электронные часы под потолком показывали «4:32». Жуткая рань, но других рейсов в то проклятое место не было. Такой же ранней электричкой неделю назад отправилась и Анютка.

В зале ожидания было немногочисленно. Человек пять дремали, рассевшись на неудобных лавках подальше друг от друга. Между ними шаркала ногами сонная цыганка. Заметив новоприбывшего, она тут же поспешила навстречу. Как ни пытался Олег обойти её по широкой дуге, через минуту его уже бесцеремонно схватили за рукав:

- Молодой, дай погадаю тебе. Бесплатно.
- Выгодное предложение... Разминаешься, что ли?
- Пусть так.

Хмыкнув, парень протянул смуглой барышне обе ладони, на всякий случай покрепче прижав локтями карманы куртки. Цыганка иронично улыбнулась и принялась «читать», постепенно мрачней и сдвигая брови. Олег был готов к стандартным «дальним дорогам» и «казённым домам» – вокзал всё-таки. Но, глядя на мимику гадалки, понял, что зайдут сразу с козырей.

– Ну, чего там? – поторопил он. – Порча или проклятие? Всё золото надо отдать, или половины хватит?

Цыганка медленно отстранилась, встряхивая кисти рук, словно испачкалась.

– Не то, всё не то... Две судьбы, две жизни вижу. Очень разные.

– Так какую выбрать-то? – улыбнулся Олег.

Тёмные глаза неприятно просверлили его:

– В одной много зла, а второй уже нет. Вот и думай.

Цыганка поспешно развернулась и потопала прочь. Парень покачал головой, провожая её взглядом. Он вытер ладони влажной салфеткой и мельком глянул на линии. Ну, разные. Как и у всех. До электрички оставалось ещё двадцать минут, поэтому Олег направился к кофейному автомату.

Напиток приятно согревал, обещая кратковременную бодрость. Хотя в поезде всё равно укачает и вырубит. Не проспать бы эту долбаную станцию у чёрта на рогах.

На самом деле Anne Звучаевой было далеко за сорок. Но за миниатюрность и моложавость вкупе с бешеной энергией и искренним детским оптимизмом коллеги звали её исключительно Анюткой. Много лет она возглавляла отдел районной газеты, отвечавший за «вести с полей». Даже на столь неблагоприятном поприще журналистка ухитрялась находить что-то интересное, забираясь порой в самые глухие дебри. Уникальные таланты, сельские изобретатели, поистине шекспировские истории любви и мести. На этот раз

Анютка была настроена очень серьёзно. Она, как всегда, никому ничего не объяснила, лишь на прощание обмолвилась, что это будет «настоящее расследование».

Анютка жила одна, в командировках могла подолгу не выходить на связь. Хватились её только спустя неделю, когда соседей насторожили вопли голодного кота из квартиры. Жильё вскрыли, зверя пристроили, начали разбираться. Информация от вокзала и сотового оператора подсказала направление поисков. Олегу, как самому «свежему» в редакции, было поручено присмотреть за ходом расследования и, если понадобится, «поставить всех на уши». Как это сделать, он не имел ни малейшего понятия, надеясь на оперативников. Молодой журналист допивал кофе на вокзале, проклиная ранние пробуждения и полицию, у которой не нашлось места в машине для представителя прессы.

Станция Стежково встретила гостя приветливее, чем пару часов назад его проводил родной город. Уже рассвело, холод понемногу отступал, густой туман приятно обволакивал пейзаж, скрывая разруху и подчёркивая атмосферу осени.

До одноимённой деревни пришлось идти ещё полчаса по заросшим колеям, цепляясь за ветки деревьев некогда ухоженного колхозного сада. Олег подобрал несколько яблок и сунул в карманы куртки. Дорога в очередной раз свернула

и внезапно уткнулась в кривой самодельный шлагбаум. Заросли сада кончились, за преградой начиналась улица из покосившихся, давно не крашенных деревянных домиков. Около ближайшего жилища угрюмый старик подрубал лопатой крапиву вдоль палисадника.

– Здравствуйте! – крикнул Олег погромче, на случай, если у собеседника туго со слухом.

Старик вздрогнул, повернулся и медленно похромал в сторону гостя, взяв лопату наперевес. Это выглядело так угрожающе, что парень невольно поднял руки вверх:

– Я с миром! И без оружия!

Глядя на его жест, местный отчего-то заулыбался беззубым ртом. Он воткнул лопату в землю и опёрся грубыми ладонями о черенок.

– Не ори, не глухой. Чего надо?

– Я репортёр из райцентра. Газета «Зори труда».

– И на кой нам ваша газета?

Стоит ли раскрывать карты до приезда следователя? Но других складных версий не приходило в голову.

– Сейчас полиция приедет. Я с ними, просто своим ходом, поэтому пораньше. Тут человек пропал.

Старик усмехнулся:

– Девка, что ль?

– Да, – опешил Олег. – Знаете что-нибудь?

– Не. Просто ради мужика ты бы не поехал.

Дед сипло засмеялся и приподнял деревянную жердь,

пропуская визитёра:

– Ну, будь как дома.

«Путник», – напрашивалось в продолжение, но уж очень печально заканчивалась та песня. Что ж, можно будет осмотреться до приезда органов правопорядка. Журналист побрёл по улице, прислушиваясь к редким крикам петухов и лаю собак.

– К воротам не подходи! – крикнул вслед старик, опуская шлагбаум. – Городских собаки не жалуют. Да и люди тоже.

Деревенька несла в себе все стереотипные черты вымирания. Много заросших пустующих домов с провалившимися крышами, мало людей и совсем никаких машин. Ржавый «Москвич» без колёс и остов трактора – не в счёт. Жители ковырялись на огородах или чем-то гремели во дворах за высокими гнилыми заборами. Иногда навстречу двигались какие-то фигуры, но, издали заметив незнакомца, сворачивали в проулки или заходили в дома. Всё это выглядело как в очень банальном «ужастике». Вот сейчас обернёшься, а сзади собралась толпа местных с вилами и лопатами. «Городских не жалуют...»

Парень чуть не подпрыгнул, когда за спиной пронзительно взвыла сирена. Громко выругавшись, он поспешил обратно. У шлагбаума знакомый старик препирался с коренастым краснолицым мужичком в форме. Расслышав в речи полицейского обращение «Макарыч», Олег испытал разочарование и злость. Область, как всегда, скинула местечковые

проблемы на плечи района, а тот делегировал их сельскому участковому. Похоже, придётся искать Анютку своими силами...

– Тебе говорят, убирай! А то щас снесу к херам на «бобике»!

– А я вот тебе башку снесу лопатой! – не поддавался старик.

Представитель закона немного сбавил обороты:

– Макарыч! Ты понимаешь, кому ты угрожаешь? Ну не законно так дорогу перекрывать!

– Сажай, чё! – сплюнул дед. – Этой дорогой свои давно не ездят. От чужих защищаемся. Ты, что ли, нас защитишь?

– Я вот пришёл этой дорогой, – неожиданно вмешался Олег. – И зла вам не желаю. Хоть и «чужой».

– Да какой ты чужой... – отмахнулся Макарыч и, хромя, отошёл в сторону.

Краснолицый вскинул деревянную жердь, пересёк самодельную границу и протянул руку журналисту:

– Лейтенант Дроблин. Кринский сельсовет.

– Олег Кроев. «Зори Труда».

– Ну что ж, будем допрашивать. Сержант, твоя – та сторона.

Участковый махнул рукой, из УАЗика вылез тощий уса-тый парень, вооружённый блокнотом и фотографией Анютки. Такое же фото взял с собой в поездку Олег и недавно показывал пассажирам электрички. Теперь оно лежало в его

бумажнике, рядом с фотографией любимой девушки.

— Ну а мы по этой пойдём, — Дроблин хлопнул репортёра по плечу. — Ты за мной держись. Тебе местные всё равно ни хрена не скажут. Да и мне не скажут, скорее всего... Вот с Макарыча и начнём.

За допросами и блужданиями по кривым деревенским улочкам день пролетел быстро. У Олега разболелась голова, и ему нестерпимо хотелось пить и есть. Он впервые пожалел, что поехал налегке, прихватив только бумажник и пару мелочей.

Допрос, ожидаемо, не дал никаких результатов. Аборигены мотали башкой, даже не посмотрев толком на фото девушки. Их старые измождённые лица снова создавали ощущение дешёвого триллера, полного штампов. У некоторых имелись глубокие шрамы на лицах или конечностях. Кто-то сильно хромал или горбился. Попалась парочка инвалидов с пустым рукавом и один одноногий. Что они могли сделать с привлекательной и полной жизни женщиной в отместку за своё уродство?

Олег, как мог, давил опасения логикой. Конечно, никакой мистики, никаких людоедов и культов не было. Сериалов надо поменьше смотреть. Это просто несчастные люди, оказавшиеся на обочине жизни, доживающие тут свой век.

Когда вернулись к машине, участковый объяснил:

– У нас в Кринском пансионат для инвалидов был. Закрыли в девяностые. А контингент – кто куда. Кого забрали, кого перевели, а кто и в Стежкове осел. Живут как-то. Огороды, живность, самогон... Остальное – в ларьке на станции. Думаю, не здесь надо вашу коллегу искать. Эти мирные, мухи не обидят.

Олег пожал плечами. Жалость к изгоям уже почти победила в нём все подозрения. Однако данные с Анюткиного смартфона упрямо говорили, что в последний раз он ловил вышки именно тут. Может, она его просто потеряла? Или кто-то из местных «подрезал» девайс на станции, а вынуть симку додумался не сразу? Что-то всё равно не давало журналисту покоя. Найти хоть какую-то зацепку было уже делом принципа. Тем более, раз местные такие мирные... Голос Дроблина выдернул из глубокой задумчивости:

– Тебя куда? На станцию или в Кринское?

Участковый уже завёл УАЗик и вопросительно смотрел на городского гостя через приоткрытую дверь. На соседнем сиденье клевал носом усатый сержант. Олег посмотрел на небо, где между тяжёлых облаков холодно перемигивались первые звёзды.

– Знаете... Электричка только завтра. Я, пожалуй, тут заночую.

– Не боишься? – улыбнулся участковый.

– Сами же сказали, «мухи не обидят».

– Мухи-то не обидят... – ещё шире улыбнулся Дроблин. – Ну, как знаешь. Звони, если что. И поаккуратнее с шитыми.

– С кем? – переспросил Олег, но представитель закона уже хлопнул дверцей, махнул ему через лобовое и задним ходом тронул УАЗик к повороту, где можно было развернуться.

Не придумав ничего лучше, городской журналист зашагал к жилищу Макарыча. Самодельный шлагбаум он предусмотрительно опустил.

В доме старика оказалось на удивление чисто. Архаичная простота в убранстве единственной комнаты вызывала ощущение уюта. Прямоком из детства, в котором почти у каждого был деревенский бабушкин дом.

Хозяин угостил незваного гостя жареной картошкой и дешёвым несладким чаем, а сам залез на лежанку печи, занимавшей добрую треть помещения. Он явно не был расположен к разговорам. Из мебели в комнате имелись резной сервант, набитый посудой, покосившийся платяной шкаф, кресло и стол. Поужинав, Олег попытался получше устроиться в кресле. Спать сидя было неудобно, но усталость взяла своё. Уже проваливаясь в глубокий сон, парень заметил причину хромоты Макарыча: торчащие с печки ноги явно были разной длины.

Олегу приснилась Кира. Та, чьё фото лежало в его бумаж-

нике вместе с Анюткиным. В кого он был безнадежно влюблён ещё со школы. С которой у него никогда ничего не было, и вряд ли что-то будет. Дочка богатых, но на редкость приличных родителей, живущая в Москве и делающая большие успехи. Идеальная мечта, которой не суждено сбыться, как и положено настоящей мечте. Когда Кира поступила в МГИМО и переехала в столицу, парень не находил себе места. Были мысли уехать за ней, но зарабатывать он тогда не умел, а ничего, кроме провинциального пединститута, родители потянуть не могли. Немного остудил совет друга, который просто сказал:

– Смирись, чувак. Ты не москвич и не мажор. Будешь с ней, как... пришитый белыми нитками.

– Ты хоть знаешь, что это означает? – злобно огрызнулся тогда Олег.

– Мне пофиг, что означает. Я говорю, как это выглядит. Если вдуматься, выражение оказалось вполне к месту. «Шито белыми нитками», – говорят о слишком явной фальшивке, подделке. А что может быть фальшивее человека, который строит из себя то, чем не является?..

Ни к какой электричке Олег не спешил, поэтому проспал почти до полудня. Макарыч не будил и не беспокоил. Встав спозаранку, хозяин покинул дом, не заботясь о присутствии

постороннего – воровать здесь всё равно было нечего. Позавтракав остатками вчерашней картошки, парень вышел на улицу, разминая затёкшую шею. Было зябко, и он сунул руки в карманы куртки, где лежали яблоки. Будет, чем попозже перекусить.

Журналист брёл по знакомой уже улице и не представлял, что делать дальше. От расспросов не было толку. Обыскивать дома ему никто не позволит, а попытки шарить по дворам втихаря точно закончатся проломленным черепом. Может, сказать полиции, что нашёл поле конопли или услышал крики о помощи? Вызвать съёмочную группу из района? Поджечь заброшенный дом? Как «поставить всех на уши», самому не угодив за решётку или куда похуже?

И что такого могла накопать Анютка, если вообще бывала тут?

Из оцепенения Олега вывело громкое гусиное гоготание. Задумавшись, он не заметил, как остановился у высокого облезлого забора. Птица во дворе горланила так настойчиво, что смогла бы охранять получше любой собаки. Неожиданно послышался звук, словно лопнула верёвка, под забором замельтешил тёмный клубок, и из облака пыли выскочило нечто весьма странное.

Олег с детства боялся собак. Точнее, возможности быть покусанным и получить пресловутые «сорок уколов в живот». С возрастом укусы и инъекции перестали вызывать панику, но крупных собак он по-прежнему сторонился. Мел-

кие шавки не пугали, но их агрессивность и лай раздражали до чёртиков.

Сначала было не совсем понятно, что именно кинулось под ноги. Как два животных смогли так причудливо сплестись? Когда Олег, наконец, хорошенько всё разглядел, ему стало не по себе.

Это была собака. Небольшая чёрная коротконогая дворняжка с жёлтыми подпалинами на груди и морде. Только морда эта безжизненно болталась вместе с головой, странно вывернутой набок. Язык висел сухой сморщенной тряпкой, шерсть вылезала клочьями, из пустых глазниц сочилась тёмная жидкость и падали на землю мелкие червячки. Прямо из холки собаки росла длинная пернатая шея, увенчанная гусиной головой. Эта голова, в отличие от собачьей, была жива и активна, вопила на всю округу и норовила схватить человека за штаны. Выглядело неестественно и жутко, но немного комично. Журналист не сразу пришёл в себя и додумался снять существо на телефон.

– Жулька! – рявкнул вдруг хриплый голос. – А ну на место, дрянь!

Карликовая химера, недовольно гогоча, протиснулась обратно под забор. Подняв голову, Олег увидел, что в его сторону идёт крупный мужик в засаленной фуфайке. Парень поспешно спрятал смартфон и развернулся. Дорогу в нескольких шагах преграждал ещё один местный, ковыряя сапогом камень, словно не при делах. Левый рукав его линялого пи-

джака был пуст и засунут в накладной карман.

– Браток, а дай позвонить? – нагло оскалился хозяин «Жульки».

– Батарейка села, – соврал журналист, предчувствуя недоброе.

«Неужели, началось?»

– Так у меня зарядка есть в доме, – ещё шире оскалился здоровяк, подойдя совсем вплотную.

– Мужики, – дрожащим голосом проговорил Олег, – я с ментами работаю. Меня забрать должны скоро. Если тронете... Всех закроют, не сомневайтесь!

– Кто ж тебя трогает, городской? – просипел однорукий, тоже подойдя поближе. – Припёрся незванный, начал снимать без спросу. Петь, ты своё разрешение на съёмку давал?

– Не.

– Ну вот. И кто из нас нарушитель законов, приличий и вообще?

– Я представитель СМИ, – робко возразил приезжий. – Имею право снимать везде.

– Да вертел я твоё право! – рявкнул вдруг Петя, хватая журналиста за воротник.

Рука здоровяка показалась неестественно тонкой, с маленькой изящной кистью и облезшими следами маникюра. Зато вторая рука была под стать телу и обрушила на челюсть «представителя СМИ» тяжелый прокуренный кулак...

Олег медленно приходил в себя, ощущая спиной жёсткую неудобную постель. Всё кончилось? Анютку нашли, деревенскую шайку накрыли, а его отвезли в больницу? Ощупывая челюсть, журналист обнаружил свисающую с запястья цепь. Похоже, всё только начиналось.

За стеной послышался странный шум – словно большое животное прошло мягкими лапами по кафелю, громко постукивая когтями. Где-то вдалеке жужжала косилка или циркулярная пила. В воздухе стоял густой больничный запах. Олег чувствовал нарастающую панику, но поймал себя на странной мысли, что боится больше всего не самой смерти. Было невыносимо, что кто-нибудь обнаружит в его вещах фото Киры и начнёт издеваться над романтиком-неудачником, а сам он будет сгорать от стыда и бессильной злобы даже на том свете.

Попытка сесть увенчалась успехом – длины цепей на обеих руках было достаточно. Комната напоминала больничную палату с единственной койкой. Сквозь грязное окно в дальней стене светила почти полная луна. Вспыхнул яркий свет, и в палату вошёл пожилой мужчина в белом халате. Он казался грузным и рыхлым, под одеждой угадывались внушительные жировые складки. При этом руки и лицо его были неожиданно худыми. С собой посетитель принёс деревянный табурет, который поставил у окна и сел, молча присмат-

риваясь сквозь очки.

– Перестарался Петя, – заговорил он мягким приятным голосом. – Вы уж простите его. С социальными навыками у наших беда. Это свойственно закрытым сообществам.

– Что здесь происходит? – как можно спокойнее спросил Олег, стараясь не срываться на крик и ругань.

– Ничего особенного. Живём, как умеем.

– Я об этом! – парень демонстративно позвенел цепями.

– Ах это...

Доктор встал с табурета, приблизился и дважды щёлкнул ключом, освобождая запястья невольного пациента. Журналист поборол в себе желание схватить незнакомца за тонкую шею. Но едва ли старик стал бы так рисковать, не подстраховавшись. Доктор спокойно вернулся на табурет и улыбнулся, словно угадав мысли пленника:

– Вы сообразительный. Это радует.

Улыбка и лицо показались Олегу смутно знакомыми. Он встал с кровати, ощупывая бока. Одежда и всё содержимое карманов были, кажется, на месте. Парень машинально вытащил яблоко и подбросил его пару раз, пытаясь всем своим видом показать, что не боится. Или что ничего особенного не случилось, и он не станет никуда обращаться.

– Так я могу идти?

– Куда? – улыбнулся доктор. – До электрички ещё пять часов. И разве вам не интересно?

Где-то вдалеке жужжание пилы вдруг взяло особо высо-

кую ноту, после чего зазвенела сигнализация, и по коридору мимо двери спешно протопало несколько пар ног. Среди звуков снова почудилась крупная бегущая собака.

– Не беспокойтесь, там и без нас справятся, – заверил доктор и, наконец, представился. – Лев Ибрагимович Свенгольц, профессор медицины. Так вам не интересно?

– Боюсь, любопытство мне выйдет боком, – иронично предположил Олег. – Давайте оставим всё как есть?

– А давайте решать буду я, – мягко возразил профессор. Журналист понял, что просто так его отсюда не выпустят, и обречённо уселся обратно на койку.

– Я люблю свою работу, – заявил Свенгольц после некоторой паузы. – Люблю помогать страждущим. И у меня это, знаете ли, получается. Да и вы как-то не жаловались до сих пор, молодой человек.

Олега кольнуло смутное опасение, что в отключке он был дольше, чем кажется, и что в его организме основательно покопались. Однако никакой боли и дискомфорта не испытывал. За исключением подбитой челюсти.

Глядя, как парень прислушивается к своему телу, смешно шевеля конечностями, профессор искренне расхохотался.

– Да ну что вы, в самом деле! Вы меня не помните? Хотя какой там, двадцать лет прошло.

Его пациент всё ещё недоумевал, разглядывая знакомые постаревшие черты, пытаясь нащупать хоть что-то в памяти.

– Часики не жмут? – участливо спросил Лев Ибрагимо-

вич.

Олег давно не носил часов, но при их упоминании машинально глянул на левое запястье. Пусто, конечно. Только загорелая кожа из-под рукава и тонкий белёсый шрам... Воспоминание накатило резко, как ведро ледяной воды на голое тело...

...Лето. Деревня. Бабочки. Бабушкин двор. Мама развешивает бельё. Папа пилит здоровенное бревно бензопилой. Я откатываю в сторону круглые пенёчки. Папа обещал научить меня их раскалывать. Бабочки. Такие красивые. Одна кружится над бревном. Вот-вот усядется прямо на жуужжащую пилу. Машу рукой, чтобы прогнать. Спотыкаюсь. Фонтанчик крови. Ужас в глазах папы. Истошный крик мамы. Бабочки...

После этого был месяц в больнице, который Олег смутно помнил. Что? Как? Почему? Позже ему говорили, что он запутался рукой в леске и сильно затянул, до самого мяса. Пришлось зашивать. Про отрезанную кисть родители договорились не вспоминать, а мальчик забыл и сам, как часто забывают особо стрессовые ситуации.

Теперь он смотрел на свою левую кисть, словно впервые. Сравнивал обе руки. Немного разный цвет кожи. Разная форма пальцев и ногтей. Разные вены. Разные линии на ладони... Как он раньше этого не замечал?

– А почему вы не пришили обратно мою? – тихо спросил

Олег.

Свенголец пожал плечами:

– Пришивать обратно – это ремесло. Пришивать чужое – это мастерство. Я уже тогда был мастером. К тому же повезло, подвернулся свежий покойник примерно твоего возраста. Жаль, «наверху» не оценили моих методов. Пришлось уходить в подполье. А тут как раз Криницкий пансионат прикрыли. Такой простор для работы...

– А если бы не прижилась? – пациент посмотрел на доктора с укоризной.

– У меня не бывает «если»! – уверенно возразил Лев Ибрагимович. – Я ведь мастер!

Олег вспомнил колченогого Макарыча и Петю с тонкой женской рукой.

– А что ж не по размеру-то шьёте? И никто не возмущается?

– Если выбор стоит между одной рукой и двумя, хоть и разными, все выберут второй вариант, уж поверьте. А для меня это переход от мастерства к творчеству! Шить не просто чужое, но максимально неподходящее, пусть где-то даже нелепое и гротескное. Такого, кроме меня, не удавалось ещё никому!

Свенголец поднялся с табурета, гордо возвышаясь над всей палатой и над своим пациентом.

– Собака с гусиной башкой... Не такое уж творчество, – съязвил журналист, понимая, что отступить уже некуда.

– О, это только первые опыты. Удачные, прошу заметить! Трансплантологи десятки лет кроили несчастных грызунов, собак и обезьян. Их кадавры жили от силы несколько дней, до полного отторжения. А Жулька в таком виде уже полгода бегают. Жаль, собачью голову на днях не уберегли. Некроз скоро поползёт... Тяжёл Петя на руку. Надо бы ему и вторую заменить.

– Но это же бессмысленно, – усмехнулся Олег. – Гусь, который считает себя собакой... Или наоборот...

«Пришито белыми нитками...»

– Это творчество! – с жаром прошептал профессор, гордо воздев к потолку указательный палец. – Вдохновение в чистом виде! А что до смысла... Вспомните мифологию! Кентавры, сфинксы, химеры, горгоны... Во всём есть смысл, и всему есть примеры!

Лев Ибрагимович медленно расстегнул халат, белая ткань сползла к его ногам, обнажая торс. Профессор был худым и подтянутым для своего возраста. То, что смотрелось под одеждой складками жира, оказалось сложенными на животе и груди двумя парами рук. Свенголец с наслаждением расправил конечности, напоминая карикатуру на какое-нибудь индуистское божество. Это выглядело настолько невероятным, что даже не пугало. Все шесть рук были немного разными, но живыми и функциональными.

– Вот почему в операционной мне не требуются ассистенты! – весело заявил профессор, похожий на нелепого пау-

ка. – Одно плохо: мозг очень быстро устаёт. Поэтому в быту обхожусь одной парой.

– А как же... Скелет, сосуды, нервы?.. И кто это вам сделал? Не сами же?..

– Не сам, разумеется. Скажем так, я не первый на данном пути. У кого-то и я учился в своё время. А скелет, сосуды, нервы... Это секреты творчества, которые я раскрывать не вправе. Сравню лишь с плодовыми деревьями. Когда прививают ветку яблони к груше, разве думают о том, как именно она принимается другим деревом?

Олег чувствовал какую-то звенящую пустоту внутри. Он понимал, что ему не выйти отсюда живым. Скорее всего, через пару дней с его рукой будет щеголять тот сиплый в линялом пиджаке. А голову могут пришить какой-нибудь корове. Ради творчества, конечно же... Парень достал из кармана бумажник, чтобы взглянуть напоследок на любимое лицо Киры. И на коллегу, которую он так и не нашёл.

– Кажется, я понимаю, что стало с Анюткой, – тихо прошептал Олег.

Свенголец развёл верхними парами рук, нижней поднимая с пола халат, почти не наклоняясь.

– Необходимые жертвы... И их, кстати, катастрофически не хватает. Вот и маются некоторые из подопечных с культями до сих пор. А ведь люди достойные, многое в жизни повидавшие, государством выброшенные на произвол судьбы. Как думаете, мы с вами могли бы им помочь?

Профессор неожиданно громко свистнул. В коридоре зазвучало знакомое цоканье звериных когтей. В приоткрытую дверь вошла большая лохматая собака непонятного окраса. Морда выглядела так, словно её каким-то образом укоротили и надели резиновую маску человека. Только маска вела себя исключительно живо, дёргала щекой, открывала рот, вываливая длинный язык, и косилась преданными глазами на хозяина. Это было настоящее женское лицо. Анюткино лицо. Олег не выдержал и отключился.

«Шьём по старинным традициям! Курсы для одиноких». Весёлый портняжка с огромными ножницами и номер телефона.

Бывший журналист наклеил последнее объявление в городском парке, устало вздохнул и побрёл домой, любуясь осенними деревьями. Его немного согревала мысль, что в тексте не было ни слова лжи. Шитья будет хоть отбавляй. Имелись и старинные традиции, которые профессор тщательно хранил от посторонних. Вдобавок, они действительно искали одиноких людей. Самых одиноких и не нужных, которых никто не хватится, которых станут разыскивать только «для галочки». Зато кто-то обретёт недостающую часть тела. Или даже излишнюю – творчество Свенгольца становилось всё более абстрактным.

В подъезде Олег надел наушники и включил музыку. Квартира встретила уютом, чистотой и приятным ароматом чего-то вкусного. Подбежавшая Кира чмокнула в губы, нежно хлопая глазами и болтая без умолку. Парень улыбнулся в ответ и сделал музыку громче. Не хотелось слушать этот чужой и неприятный голос, говорящий исключительно глушости. Хотелось только смотреть. Он обеими руками зарылся в ярко-рыжие волосы и долго с наслаждением разглядывал любимое лицо. В правом глазу покраснели капилляры, но к цветным линзам придётся привыкнуть. Улыбка немного кривая – левая сторона ещё не совсем прижилась...

Найти сироту с подходящей фигурой оказалось легко. Не сложно было и уговорить. Между проституцией и творчеством «не поступившая» дурочка выбрала второе. С ролью прилежной жены девушка справлялась отлично, но вот с ролью Киры...

Ничего не поделать, Кира была единственной и неповторимой. С ней получилось совсем не просто, но старый паук бывал щедр к верным помощникам. Оказывается, в Москве тоже немало шитых. Из тех, у кого всё подобрано по размеру. Они иногда благодарили профессора в меру своих возможностей, званий и удостоверений. Дело Киры скоро закроют, она будет существовать только для одного человека. Точнее, её лицо...

«Пришитое белыми нитками?»

Хотя бы так.

/08.2021/

Доказательство

Ломтик лимона утонул и сразу всплыл обратно, распространяя приятный аромат. Максим с удовольствием лизнул кислые пальцы, взял кружку ладонями за бока и протянул Светке. Та сидела на диване с обиженным видом, поджав ноги и тыкая в смартфон.

– Свет, горячо!

Никакой реакции.

– Я шас уроню и обварюсь...

Девушка презрительно зыркнула на мужа и схватила кружку за ручку, едва не расплескав. Максим довольно улыбнулся: контакт установлен.

– Ну чего ты? Я же не тебя душой назвал! Ну а кто они, если ведутся?

Чай подействовал, как и предполагалось – супруга понемногу оттаивала.

– Хорошо, что ты у нас блогер-эксперт по всем вопросам! – съязвила она, наконец.

– Свет, на вас же деньги рубят. Из воздуха.

– Ууу, миллиарды нарубила! А санитаркой для души работает. Макс, у неё даже прайса нет! Сколько хочешь, столько даёшь. Хочешь – тысячу, хочешь – полтинник.

– Одна даст тысячу, и другим уже стрёмно меньше давать.

Город-то маленький.

Кружка понемногу пустела, Светке стало тепло и уютно. На мужа она уже почти не злилась. Даже захотелось его переубедить.

– Как ты сказал, психология и наблюдательность?

– Именно! – улыбнулся супруг. – И маленький город, где все про всех знают.

– А как она у нашего экспедитора язву желудка определила? Сразу уточню, он не местный, из области, проездом к ней заскочил.

– Ну вы-то местные, – спокойно возразил Максим. – Кто-то чего-то ляпнул про него, она запомнила. А если и нет... Многие болезни на лице написаны, а она всё-таки в медицине работает. Хоть и санитаркой.

– Допустим. А Сонька? Вообще по телефону звонила, имени не назвала, никакого визуального контакта. А ведьма всё поняла по голосу! И что с мужем нелады, и что развода не хочет. Даже беременность предсказала за полгода!

Максим на всякий случай забрал из рук жены пустую посудину и поставил на журнальный столик.

– Я уже говорил про маленький город? – улыбнулся он, уворачиваясь от удара подушкой. – Мало ли, кто намекнул, что некая Софья хочет анонимно погадать. Да и вообще... Большинство обращается к таким услугам, когда семья трещит по швам. Из них половина – мямли, вроде вашей Соньки. Какой ей развод? По голосу ясно, насколько она в себе не

уверена. Нового мужика будет сто лет искать. Таким только терпеть и надеяться. Ну а беременность считается лучшим клеем для осколков брака. Так что не предсказала, а подтолкнула.

– Циник ты, Макс.

Светка помолчала, в глубине души понимая, что он прав. Но было обидно за подругу, чересчур мягкую и готовую прощать любые подлости. Неужто Сонька и правда такая дура? «Скажи мне, кто твой друг...»

– Ладно, хрен с ним, с гаданием. А сглаз? А порча? А приворот, в конце концов!

– Ну тут ещё проще, – самоуверенно ухмыльнулся Максим. – Ты заметила косой взгляд, слышала неискреннюю похвалу и забыла. А подсознание помнит, начинает во всём искать подвох. Внимание рассеивается, всё из рук валится, настроение ни к чёрту, самочувствие тоже. «Снятие порчи» – это плацебо для дурачков. Веришь, что поможет – оно и поможет. Убедит подсознание, что подвоха нет. Вот и все дела.

Девушка снова насупилась. Если в гаданиях она и подозревала мошенничество, то бытовое суеверие было её вторым «я». Приметы выполнялись неукоснительно, в доме то и дело стучалось по дереву и плевалось через плечо. «На всякий случай», – отшучивалась Светка, но муж знал, что это вполне всерьёз.

– Вот в приворот верю! – весело заявил он, пытаясь сгла-

дить углы. – На некоторые пары смотришь и понимаешь, что без него никак. Приворот – штука нужная!

– Нужная! – злобно буркнула супруга. – Пока однажды не пожалеешь...

Максим поднял брови, изображая удивление:

– Ааа, так ты меня тоже... «того»? А как именно? И что будет, когда приворот закончится?

– Скоро узнаешь! – тихо огрызнулась Светка и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Парень покачал головой. Он был уверен, что никакие привороты ему при встрече с будущей женой не потребовались. Ну а если и были с её стороны какие-то бессмысленные ритуалы... Пусть играет, не во вред же.

Однако с «ведьмой» Максим твёрдо решил разобраться. К человеку, обладавшему таким влиянием на доверчивых провинциалок, жену лучше не подпускать. Да и свой блог давно пора оживить. Разоблачение мошенницы, знакомой многим, отлично подойдёт. Он открыл страницу в соцсети. Простая «серая мышка», чуть старше Светки. Ни готичного макияжа, ни татуировок, ни замков на фоне луны. Хоть бы с аватаркой покреативила, что ли. И с псевдонимом. А то просто Ольга...

– Ну называйте по фамилии, если это добавит колорита, –

улыбнулась «ведьма». – Иванова! Нагнала жути?

– Ух! – демонстративно вздрогнул Максим. – Аж до икоты!

Он сидел напротив Ольги за полированным столиком советских времён. Такие ещё раскладывались в большие столы, когда приходили гости. Вся обстановка комнаты тоже была какой-то простой и старомодной, из той же эпохи. Может, в этом и фишка? Никаких волшебных шаров, чучел и змей, зато намёк на солидный возраст молодой с виду «магички»? Правда, имелся чёрный кот, вальяжно растянувшийся на диване. Но и его inferнальность портили яркие белые «носочки». Хозяйка кота выглядела так же, как на аватарке – женщина под сорок, в меру симпатичная, с волнистыми тёмными волосами до плеч. Выделялись разве что глаза какого-то странного, неуловимого оттенка. Одежда простая и современная, что разрушало концепцию «молодой старухи».

– Я понял, – осмотревшись, сказал посетитель. – Подкупаете клиента простотой. Мол, нет никакой мишуры, в отличие от конкуренток.

– Да у меня и конкуренток нет, – пожала плечами «ведьма». – Настоящих, по крайней мере... А вы что хотели-то? Интервью? Или просто посмотреть, чтобы потом *обосрать*?

Максима покорило от неожиданно грубого слова. Ольга так широко улыбнулась, что он понял, кто в этой комнате настоящий «троль».

– Ну зачем же так? Я за честность. Если вы и правда обладаете неким даром, то докажите. С меня – самый положительный обзор. Ну а если мошенница...

– И чем же доказать?

– У меня есть фобия. Но вы, конечно, и так уже знаете?

– Нет, не знаю. Я же мистик, а не психиатр. Мне надо вас послушать, установить связь, тогда я... прочитаю.

Максим изобразил разочарование:

– Так я и думал... Я вам расскажу о себе, а вы из этой инфы наделаете выводов. В чём же магия?

Ольга положила руки перед собой и скрестила пальцы, приняв позу внимательного слушателя:

– А вы сами выбирайте, что мне говорить. Можете пороть любую чушь, не имеющую к вам отношения. А потом посмотрим, какие выводы я наделаю. Идёт?

Максим почесал затылок и начал рассказывать. Всё подряд, о своём детстве, о родителях, об учёбе и семейной жизни. Он пытался хитрить и путать следы, постоянно добавляя события, которых не было, приписывая себе черты характера, которых не имел. Всё это время собеседница неподвижно слушала, иногда прикрывая глаза. Казалось, что она задрёмывает. В один из таких моментов её волосы у правого уха странно зашевелились. Ольга вздрогнула, словно её что-то разбудило. Через пару минут повторилось то же самое. Рассказчик невольно устался на голову «ведьмы», ожидая сюрпризов.

Несколько тонких прядей вдруг отделились от остальных и заскользили вниз по белой блузке. Чёрный мохнатый паук размером с перчатку соскользнул по гладкой ткани и с тихим стуком упал на полированную поверхность.

Чувствуя, что внутри всё похолодело, Максим выдавил из себя улыбку:

– Как зовут зверюшку?

– Гришка, – невинно улыбнулась Ольга.

Она спокойно взяла «Гришку» за бока и положила на середину стола.

– Не бойтесь, он не укусит.

– Только понюхает? – беспечно отшутился посетитель, но резко осипший голос проваливал к чертям всю конспирацию.

Максим смотрел на огромную тварь и чувствовал, как у него немеют ноги и поджимается мошонка. Сердце долбило где-то в районе глотки, не позволяя дышать. Восьминогая «перчатка» неподвижно тарасилась всем набором бусинок. Казалось, что каждой ворсинкой своего тела существо ловит малейшее движение, чтобы совершить бросок. Интересно, птицееды умеют прыгать? Одна из лапок паука резко дёрнулась, и человек с воплем отскочил от стола, перевернув стул. Кот на диване злобно зашипел.

Немного переведя дух, Максим искренне заулыбался:

– Угадали с первой попытки, браво! Кто там ещё в запасе, если бы паук не сработал? Змея в рукаве?

Ольга непонимающе развела руки в стороны:

– Какой паук?

На столе было пусто. Парень начал лихорадочно отряхиваться, ощущая новый прилив паники. Громкий мелодичный смех привёл его в чувство. Наконец-то он всё понял, поднял стул и уселся обратно, напротив «ведьмы».

– Гипноз, да? Круто!

Ольга смотрела на него без тени иронии:

– Человека загипнотизировать не так-то просто. Вы видите тут какой-нибудь маятник, волчок, шарик? Что-то блестящее? Разве я делала какие-нибудь пассы руками? Говорила что-нибудь? Нет. Вы постоянно думали о своей фобии, чтобы её случайно не выдать. Я лишь уловила и помогла материализовать.

– И насколько она теперь... материальна?

– А это зависит от вас.

Когда Светка пришла с работы, её муж спал, сидя за столом и уткнувшись лицом в клавиатуру ноутбука.

– У тебя скоро «ворд» закончится, – сказала девушка вместо приветствия.

Максим встrepенулcя, щуряcь на экран. Защита от случайных нажатий сработала без нареканий.

– Ну что, шарлатанка она? – крикнула жена с кухни, шур-

ша пакетами.

– Ещё какая! – буркнул блогер, закрывая документ с единственным написанным за вечер абзацем. – Свет, а она правда санитаркой работает?

– Да.

– Странно. Образованная, довольно привлекательная...

– Что за пренебрежение? – Светка зашла в комнату с тарелкой бутербродов и кружкой чая.

– Просто ей бы в офис. Или в педагогику.

– А тебе бы уже хоть куда-нибудь.

Ночью, когда супруга мерно сопела под боком, он всё вертел в голове одно и то же предложение, никак не находя оптимальный вариант. Сценарий разоблачения рождался в огромных муках. Плюнув и уже собираясь задремать, Максим услышал тихий звук рядом с головой. Так иногда щёлкает сломанное перо в подушке, но почему-то его не устроило такое объяснение. Вдруг таракан упал с потолка? Брезгливо морщась, человек нащупал смартфон на тумбочке и включил фонарик, собираясь дать бой наглому насекомому.

На подушке сидел паук. Не слишком большой, но весьма неприятный. Явно не из домашних тонконогих, которых Максим не боялся. Он поднял с пола носки, надел оба на одну руку и импровизированной vareжкой сгрёб восьминогую с подушки, стараясь не прислушиваться к тактильным ощущениям. Прошлёпал босиком на кухню и выкинул тварь в форточку вместе с носками. Вернувшись в спальню, долго

осматривал постель с фонариком, чем вызвал недовольное мычание супруги. Когда он, наконец, улёгся, его била мелкая дрожь. Слишком не вовремя вспомнился «Гришка». Воплощённая фобия, материальность которой зависела от человека. Ну а раз так...

На душе вдруг стало легко и спокойно. Послышался новый щелчок по подушке. Потом ещё один – по одеялу, в районе живота. И ещё, и ещё, словно в спальне начинался дождь. Лёжа на спине, человек под одеялом сделал глубокий вдох и с улыбкой прошептал:

– Троллишь, ведьма? Нет тут никаких пауков.

На лицо словно кинули шерстяную перчатку. Она тут же засучила «пальцами» и, пробежав по шее, нырнула под одеяло. Долгая секунда оцепенения и осознания. Максим истошно заорал и начал лупить себя по груди и животу, упал на пол, брыкаясь и путаясь в одеяле. Яркий свет ослепил и немного привёл в чувство. Перепуганная Светка стояла в пижаме у выключателя.

– Ты чего, Макс?..

Он выпутался из ткани, молча встал и начал осторожно перетряхивать постельное бельё.

– Извини, Свет... Показалось, что я в дом паука притащил. Здоровенного.

– Твою мать! – девушка выхватила у мужа одеяло, замоталась в него и щёлкнула выключателем.

– А я?

– А тебе рано не вставать, придурок!

Светка рухнула в своём «коконе» на постель и накрыла голову подушкой. Максим понял, что до утра уже не уснёт. Он прошёл на кухню и достал из холодильника бутылку водки. Нервы надо лечить...

Утром сильно болела голова, а во рту было мерзко. Невольно подумалось, не могла ли туда заползти восьминогая тварь? Мысль вызвала тошноту, и ненадолго сделалось легче.

Максим шёл по нагретому уже асфальту, сожалея, что поздно проснулся. Летний зной не способствовал улучшению самочувствия, но откладывать визит было нельзя. Договорятся как-нибудь. Ей – хороший обзор, ему – разгипнотизирование, или как это правильно называется? «Снятие порчи», – усмехнулся блогер, но был согласен даже на такую формулировку.

В сквере привычно ошивалась стайка бомжей, собиравших бутылки и кланчивших мелочь. Издалека слышалась их ругань: кто-то пролил мимо стакана, и ему клятвенно обещали оторвать руку. Один из бездомных тут же увязался за одиноким прохожим. Из задумчивости парня выдернул сначала резкий гнилостный запах, а потом уже картинка и звук. Половина лица бомжа была фиолетовой и опухшей. Из глазницы торчало нечто белесое, напоминавшее виноградину без кожуры и обильно сочившее гноем. Размазав жидкость по свалывшейся бороде, бездомный той же рукой потянулся к

Максиму. Тот безгловито кинул ему в ладонь пару монет и ускорил шаг.

– Нахрена мне твои деньги! – рявкнули в спину.

Монеты звонко посыпались на асфальт, а шаркающие шаги догоняли. Стоило обернуться, и в лицо тут же вцепилась грязная пятерня:

– Отдай мне глаз! Тебе хватит и одного!

Отпихнув нападающего, парень бросился бежать, слыша вслед хриплые вопли:

– Мне нужен глаз! Зачем тебе два?! Отдааай!!!

Миновав сквер, Максим забежал в первую попавшуюся аптеку и купил антисептик. Долго мочил платок и оттирал лицо. Спирт попал в глаз, отчего пришлось с руганью промыть его водой под ближайшей колонкой. Подойдя к припаркованной неподалёку машине, он повернул зеркало на дверце, осмотрел опухшие веки, покрасневший глаз и глубокие царапины на щеке.

– Вот тварь!..

Пожалуй, что на сегодня хватит. Не стоило давать «ведьме» лишних поводов для издёвки. Прикрывая половину лица платком, Максим зашагал обратно к дому, свернув в переулок, чтобы обойти злополучный сквер.

Очередное июльское утро навалилось тяжёлым и мокрым

от пота одеялом. Максим открыл один глаз и осмотрелся. Судя по ощущениям, он опять накануне лечил нервы водкой, хотя не был в этом уверен. Картинка плыла и искажалась, обои выглядели старыми и сильно выцветшими, кое-где висели клоками. Второй глаз почему-то не открывался. Парень резко сел и встряхнул головой. С трудом сфокусировав зрение, он оцепенел. Пауков на этот раз не было. Была спальня в их со Светкой двухкомнатной квартире, но выглядела она так, словно в ней устроили ночлежку бездомные алкоголики.

«Отдааай!!!»

Максим хлопнул себя по щеке, попытался хлопнуть по второй и понял, что намертво отлежал правую руку. Так бывало редко и проходило довольно быстро. Встав с простой пружинной койки, заменившей привычный разложенный диван, хозяин ходил по своей квартире и ничего не узнавал. Старая мебель, драные обои, кучи грязной одежды во всех углах. На кухне – море тараканов, горы немытой посуды, ряды пустых бутылок и жуткая вонь.

– Какого хрена тут творится... Света!

Крикнуть не получилось – голос был слабым и очень сиплым. Ошалевший Максим вернулся в спальню, всё ещё не ощущая правую руку. На койке сидела сморщенная патлатая старуха, улыбаясь беззубым ртом:

– Доброе утро!

– Ты кто?! – прошептал парень, цепляясь за шкаф.

– Ну вот... – старуха смущённо потупилась. – Так и дума-

ла, что не узнаешь. Помнишь, ты спрашивал, что будет, если приговорот кончится?

С минуту Светкин супруг молчал, потом его осенило:

– Ай да Ольга!

Он направился в ванную, уверенный в своих догадках. Это ж надо было так заморочиться! Квартиру загадить, старуху найти...

– Нет, правда, крутейший пранк! – убеждал себя Максим, намыливая лицо. – Да когда эту чёртову руку уже отпустит!

Он промыл открытый глаз и уставился на онемевшую конечность. Правой руки не было. Прямо над подмышкой бугрились узловатые застарелые шрамы, говорящие о том, что много лет назад его руку отняли под самый корень.

Попытка закричать сразу утонула в болезненном хрипе. Максим, как замороженный, рассматривал своё тело и не узнавал. Борозды вместо руки, шрамы на правом боку и на животе. Длинная белая «молния» рассекала бедро. Готовый к худшему, парень, наконец, посмотрел в зеркало. Так и есть! На месте правого глаза – ввалившаяся пустота. Шрамы на голове и шее... Когда это всё появилось? Как можно такое забыть?! Нестерпимым жаром запылали виски и сильно сдавило сердце. Ноги подкосились и плавно усадили своего хозяина на грязный кафель.

Над мужчиной, пытающимся громко и по-детски зареветь, склонилась старуха. От неё сильно пахло немывтым телом и корвалолом. С улыбкой протянула стакан:

– Пей, истеричка! Поверил теперь?

Максим машинально проглотил лекарство, вздрагивая всем телом:

– Не может быть...

– Успокойся – приходи в спальню. Глядишь, и без приворота получится. Жена я тебе, или как?

«Светка» кокетливо взмахнула подолом замызганной ночнушки, обнажая тощие узловатые ноги, и удалилась. Муж, шатаясь вышел из ванной, сгрёб с пола на кухне какие-то тряпки, прихватил нож со стола и выскочил на лестничную площадку.

Штаны и футболка оказались по размеру, хотя Максим их совсем не помнил. От нестираных вещей воняло, но выбора не было. Одеваться с одной рукой оказалось жутко неудобно.

«Лучше бы не хватало левой...»

У подъезда, парень чуть не сбил с ног соседа. Тот миролюбиво улыбнулся:

– Здорово! Ты куда босой?

Он протянул правую руку ладонью наружу. Пожав её своей левой, Максим молча отмахнулся и побежал на улицу.

В сквере на этот раз не было никаких бомжей. Можно спокойно посидеть и переварить весь навалившийся кошмарный абсурд.

Допустим, Светка не врала, приворот всё это время делал из страшной старухи молодую жену. Но как же друзья и близкие? Никто ничего не сказал ему ни до свадьбы, ни

после. Всех, что ли, приворожили? Но если вся эта хрень с приворотом ещё могла оказаться розыгрышем, то как быть с увечьями? Шрамы явно старые. Как они появились? Почему ещё вчера всё было совсем по-другому?

Максим почувствовал, как его снова душат слёзы и накачивает нестерпимая паника. Несколько лет жизни, возможно, оказались иллюзией. Ложным, искусно созданным воспоминанием. Приятным мороком, где у него были две руки, два глаза и красивая жена. Где он был без малого счастлив... А что если морок – не ТОГДА, а СЕЙЧАС? Неожиданно вспомнилась его студенческая гитара, которая до сих пор висит в зале над диваном. Точнее, висела до сегодняшнего утра. Он ведь играл на ней совсем недавно! Даже слегка поругался из-за этого с соседом. С тем самым, который пожал ему левую руку, как будто всегда делал именно так...

По скверу шла пара студенток и Максим, извинившись за свой внешний вид, попросил позвонить. Он смущённо заверил их, что однорукому убегать весьма неудобно. Девушки удивлённо переглянулись, потом одна из них вынула из сумки здоровенную сенсорную «лопату»:

– Диктуйте, я наберу.

Запоминать номера давно не было смысла. Но самые старые – из той эпохи, когда их зачем-то дублировали в бумажные блокноты – память хранила до сих пор. Максим назвал номер друга, который умотал в Москву сразу после универа. С тех пор они крайне редко виделись, общаясь, в основном,

через интернет.

– Привет! Это Макс.

– А то! Новый номер? – отозвался Саня.

– Потом объясню, времени нет. Слушай, а где моя гитара?

С Саней они в своё время были действительно близки, так что долгих вежливых вступлений не требовалось.

– Ну ты огорошил... Ты же мне её отдал тогда. Тебе-то она без надобности стала...

– Когда «тогда»?

– Ну пять лет назад...

Короткие гудки прервали соединение.

– Деньги кончились, – сказала девушка с явным упрёком, забирая телефон.

– Извините... Я верну. Вы мне номер напишите.

Студентка поспешила прочь, увлекая за собой подругу.

Входная дверь оказалась не заперта. Максим сразу прошлёпал грязными босыми ступнями в зал. Ольга сидела на своём рабочем месте, за столом. В центре полированного квадрата покоился «Гришка», которого хозяйка слегка поглаживала кончиками пальцев. На гостя она смотрела без всякого испуга и удивления. Посетитель бесцеремонно уселся напротив, ехидно глянул в холодные глаза и резким движением пригвоздил паука ножом к столешнице. Удивитель-

но, как ловко это у него получилось левой рукой. «Ведьма» едва успела убрать свои пальцы. Тварь заскребла лапами, но, вопреки ожиданиям, никаких звуков не издала, тихо свернувшись в мерзкий мохнатый комок.

Ольга всё так же бесстрастно смотрела на Максима, словно ничего странного не произошло:

– И что дальше?

– А дальше – кота. А потом, возможно, и вас...

При упоминании кота ледяной взгляд на мгновение сверкнул злобной искоркой. Зверь, словно почуяв недоброе, спрыгнул с дивана и куда-то ускользнул. «Ведьма» тут же взяла себя в руки и холодно заговорила:

– За паука в расчёте. Справедливо, поэтому не возражаю. Чего ещё-то от меня хотите?

– Хочу... – Максим немного помялся. – Чтобы выслушали. И на этот раз помогли. А не как с фобией...

– А с фобией вы меня и не просили помочь, – улыбнулась Ольга. – Сразу начали в угадайку играть.

– А теперь прошу.

– Тогда слушаю.

Посетитель молчал, подбирая слова. Хозяйка квартиры вытащила из столешницы нож с нанизанным пауком и отнесла на кухню. Вернувшись, положила на то же место смартфон:

– Давайте, как на приёме у доктора. Вы мне всё подробно расскажете. Я выслушаю. Много раз, если понадобится. И

постараюсь подобрать лечение. Не возражаете?

Максим покачал головой, и «ведьма» включила запись.

– Расскажите, что именно вас беспокоит?

«Пациент» сбивчиво вывалил в кучу все свои злоключения. Потом немного собрался с мыслями и начал заново, по порядку. С разговора о приворотах. Ольга, как и в прошлый раз, сидела молча и неподвижно, скрестив пальцы на столе и внимательно слушая. Лишь иногда её глаза неувлимого цвета прикрывались на несколько секунд.

Исповедь не приносила Максиму облегчения. Скорее, наоборот, становилось всё невыносимее от осознания того, что это происходит наяву, что он действительно калека, а его жена...

– Я прошу вас объяснить и всё исправить! – подытожил он, заталкивая очередной ком обратно в глотку.

Ольга отключила запись и впервые за встречу улыбнулась. Мягко и снисходительно, словно учительница глуповатому ученику.

– Объяснить – извольте. А вот исправить... Давайте по порядку. Что вы думаете обо всём этом?

– По логике выходит, что Света приходила к вам или к кому-то из ваших... Ещё до свадьбы. Но... Я не понимаю... Она что же, всегда такой старой была, сколько мы знакомы?

– Конечно, нет. – Ольга положила на руку Максима тёплую и мягкую ладонь. – Я сейчас скажу очень тяжёлые вещи. Но вы не сможете жить дальше, если не примете их как

есть. Светлана была молодой и красивой, когда вы познакомились. Никаких приворотов не понадобилось, вы сами мне это говорили.

– Я? Но...

– Не перебивайте, пожалуйста. У вас было два года хорошего брака. Не идеального, но вполне. Пять лет назад случилась авария. Вы не послушали жену и сели за руль нетрезвым. В итоге... Вы – инвалид, а Светлана... Светланы не стало.

– Что за бред! – Максим вскочил со стула, выдёргивая руку из мягкой хватки.

– Сядьте, – успокоила «ведьма». – Дослушайте, а потом всё выскажете, хорошо?

Парень нервно плюхнулся на стул, глядя на Ольгу исподлобья:

– Я не вожу машину! У меня и прав нет!

– С тех пор и нет. И как будто бы не было. Вы пришли сюда через полгода после аварии. Разбитый и неживой. Опустившийся почти до самого дна. Вы не простили себе смерти жены и уговорили меня создать иллюзию. Выдуманный мирок, в котором всё хорошо. В котором у вас не было водительских прав, поэтому аварии не могло произойти. В котором супруга жива, а вы здоровы. Всё так же, как раньше – не идеально, но... Вполне.

– А старуха?

– Актриса на пенсии. Не знаю, где вы её нашли. Но до

сих пор вы видели в ней Светлану, значит, иллюзия исправно работала. Четыре с половиной года! Пока вы вдруг сами не решили всё сломать, заподозрив во мне мошенницу.

– Как это?

– Ведьме вы верили, а мошенница – она и есть мошенница, поэтому наш замок из песка...

Ольга сделала жест рукой, словно что-то рассыпала по столу. Максим следил за невидимым песком, и ему было невыносимо горько.

– Но почему никто не открыл мне глаза раньше?

– А кто? – в голосе женщины послышались издевательские нотки. – Пьющие родичи, с которыми вы порвали связь сразу после школы? Друзья, которых вы видите только в соцсетях? Коллеги-фрилансеры и блогеры из интернета? Когда у вас в последний раз были гости?

Максим молчал. Саня приезжал всего пару лет назад. Они с ним так и не встретились. «Светка» заболела, кажется. Если бы тогда он пригласил друга к ним домой...

Горькая и осязаемая пустота всё сильнее сдавливала грудь. Пронзала острой безысходностью сердце, которое сворачивалось и умирало бесшумно, подобно большому, но безобидному пауку.

– Как всё вернуть? – тихо спросил Максим.

– Никак, – развела руками Ольга. – Тогда вы были не в себе, много пили, поэтому легко сменили реальность. Теперь разум чист и не купится повторно на тот же обман.

– И что мне делать?

«Ведьма» странно сверкнула глазами, словно ставила победную точку в некой игре.

– Принять реальность, как есть. Или не принимать совсем.

Вечер после жаркого дня почти не приносил свежести, но Ольга была ему рада. Ещё одна постылая смена в больнице закончилась. Женщина с удовольствием вдохнула запах скошенной травы на газонах и подошла к двери подъезда, нащупывая в сумке магнитный ключ. Боковым зрением уловила какое-то движение и резко обернулась. Что бы ни задумала фигура в светлом плаще, её уже скрутил некто тёмный и габаритный, зажимая рот большой ладонью в чёрной перчатке. Ольга с улыбкой посмотрела в злые испуганные глаза:

– Я ждала вас попозже, а вы прямо в день похорон... Что у вас там? Нож?

Голубые радужки стыдливо юркнули в сторону.

– Грубо. Может, сначала поговорим?

Светлая голова кивнула, насколько ей позволяла рука в перчатке.

– Вот и славно. Спасибо, Савелий Петрович, дальше мы сами.

– Да на здоровье! – отозвался дворник, отпуская задер-

жанную. — Вы прямо как в воду глядели!

— Работа такая...

Светку встретила знакомая простая обстановка ведьминой квартиры. Всё как всегда, только в середине столешницы добавилась свежая трещинка и кот не попадался на глаза.

— Сбежал куда-то на днях, — словно прочитав мысли, пояснила Ольга. Она вошла с кухни с двумя чашками ароматного травяного чая. Поставила их на столик, приглашая гостью. Светка пила чай, молча уставившись в одну точку. Она шла сюда отомстить, а теперь не знала, с чего начать разговор.

— Зачем вы так? — наконец, сказала она тихо. — Я же просила только напугать его. Доказать...

— С пауком, кажется, всё прошло прекрасно. Что не так-то? — удивлённо подняла брови Ольга.

— Издеваетесь? — голос девушки задрожал. — Вы же знаете, что я с похорон!

— Знаю. И очень вам соболезную. Но я-то тут при чём? Ваш муж был здесь один раз, после чего получил сеанс «арахнотерапии». Больше я его не видела.

— Лжёте! — Светке захотелось выплеснуть в лицо собеседницы остатки чая. — Он шагнул под грузовик прямо тут, возле вашего дома!

— Думаете, я его толкнула?

— Не толкнули, но... подтолкнули. Что-то с ним сделали!

— Загипнотизировала? Зачаровала? А вы знаете, что такое не делается за пару минут? Особенно внушение мысли о са-

моубийстве. В котором часу он...?

– В половине двенадцатого...

– Ну тогда я вас разочарую.

«Ведьма» достала из сумки увесистый смартфон и открыла папку с какими-то файлами.

– Я записываю некоторые сеансы. Три дня назад, одиннадцать часов... Ага, вот. По-вашему, в это время я должна была колдовать над вашим мужем.

Ольга положила устройство на стол и внимательно посмотрела в глаза Светке:

– Давайте так: если вы скажете мне, что это Максим, я поеду с вами в полицию прямо сейчас.

– Расскажите, что именно вас беспокоит?

– Не знаю, с чего начать... Я не помню, как мне отрезали руку... Как я потерял глаз... Все эти жуткие шрамы... Почему в моём доме незнакомая старуха... Почему я теперь живу, как...

Голос казался Светке знакомым, но словно сорванным и очень хриплым. Возможно, она просто хотела слышать покойного мужа. Интонации были чужими, вместо бодрого цинизма – слабость и безысходность. И то, что этот голос говорил... «Отрезали руку», «потерял глаз»... «старуха»... Явно не про Максима.

– Это не он, – тихо сказала девушка.

– Конечно, не он – улыбнулась Ольга. Это постоянный

клиент, инвалид. То и дело теряет память на почве алкоголизма. А Максим в тот день до меня так и не дошёл.

— Жаль... Вы бы смогли ему помочь. Наверное... — сказала вдова, сглатывая слёзы. — Я пойду. Извините.

Проводив Светку на такси, Ольга вернулась в квартиру и с удовольствием уселась на любимый диван. Её переполняло новое, очень приятное чувство торжества. Партия была выиграна, и как изящно! Старая актриса, бомжи, хозяин «клоповника», клофелинщица... Никто не станет болтать лишнего, за каждым водятся куда большие грехи.

«А кто-то и всерьёз опасается гнева ведьмы».

Бестолковый сосед и наивный Саня? Тоже всё чисто. Соседа просто попросили поздороваться за левую руку, а друг уверен, что Светка готовит мужу розыгрыш и новую гитару.

Расставлять сети было интереснейшей игрой. Но верхом удовольствия оказалась манипуляция. Убедить здорового человека в отсутствии частей тела... Совсем не то же самое, что уговаривать клуш на разводы или «залёты». Гораздо сильнее и приятнее.

Ольга была уверена, что в деле участвовал не только гипноз. Чувствовала, что за её спиной стоит могучая тёмная сила. Если так, то и сама ведьма была лишь её марионеткой. Марионеткой, командующей другими марионетками и поне-

многу входящей во вкус.

/09.2021/

Быстро поднятое

Игорь опаздывал. Он забежал в проулок и остановился перевести дух. В этом тупичке между химчисткой и продуктовым за последние двадцать лет сменились десятки конторок разной степени паршивости. Сетевухи и распродажи, игровые автоматы и микрозаймы, нотариусы и мастерские – всё это, как правило, не держалось на плаву дольше пяти лет. Иногда новые хозяева помещений даже не утруждали себя сменой оформления, загоняя временный бизнес под старое имя. Вывеска, которая интересовала Игоря, была из той же оперы. Название часовой мастерской «Пять сек» – единственного предприятия, продержавшегося долгие годы – криво красовалось над свежей, грубо запененной по краям дверью. Чем занималась контора, второй раз за лето предлагавшая вакансию «специалиста», ещё предстояло выяснить.

Навстречу Игорю из двери вышел здоровяк в спортивном костюме и хрупкая неприметная девушка в косухе. Оба торопливо зашагали к стоявшему неподалёку грязному белому «жигулёнку». У машины девушка неожиданно обернулась:

– Вы Игорь?

– Да, это я вам звонил. Сказали, собеседование в восемь. Извините, опоздал на пару минут.

– Опаздывать плохо, – кинул в окошко бугай, шумно за-

вода мотор.

– Срочный вызов, поехали с нами, – махнула рукой девушка, усаживаясь рядом с водителем.

Игорь минуту колебался. В подобной ситуации он уже бывал. Лет пятнадцать назад одна из конторок так же, с порога увезла его «в поле». Тогда всё обернулось безобидным сетевым маркетингом по продаже книг. Вчерашнему студенту это пришлось весьма кстати, и он проработал там целый год. Проблема Игоря была в том, что за пятнадцать лет в его жизни мало что поменялось. Пока ровесники строили карьеры и семьи, он по-прежнему был одинок, постоянно менял квартиры и сомнительные работы. В целом, он не слишком из-за этого переживал. Выходит, особой проблемы и не было?

Соискатель послушно залез на заднее сиденье старой «пятёрки», громко хлопнув дверью. Девушка быстро раскидала за всех формальности:

– Юля-Дима-Игорь-очень-приятно-взаимно!

Водитель молча кивнул, выруливая из проулка. Новоиспечённый сотрудник улыбнулся:

– Так чем всё-таки занимается ваша... наша организация?

– В двух словах не объяснить, – пожала плечами Юля. – Увидишь.

Такой быстрый переход на «ты» немного напрягал, но отступать было поздно. Или рано, в зависимости от обстоятельств.

Из разговоров коллег следовало, что некий «Марат Рубан-

кович» сигнализировал о «падении», которое вот-вот произойдёт, поэтому нужно торопиться. Водитель уточнил что-то про «сценарий номер три», девушка извлекла из большой сумки аптечку, порылась в множестве ампул и шприцов, удовлетворённо кивнула. Игоря это насторожило, но он решил не задавать пока лишних вопросов. Когда впереди замаячил выезд из города, стажёр понял, что путь, возможно, неблизкий и вынул из кармана куртки бутерброд.

– Извините, позавтракать не успел, – сказал он на всякий случай.

– Не накроши, – буркнул Дима.

Юля достала из бардачка маленький термос и налила в крышку горячего чая. Протянула Игорю:

– Приятного! Торопись, пока дорога хорошая.

Мужчина кивнул и, принимая чай из рук девушки, случайно выронил завтрак. Другой пищи до вечера не предвиделось, поэтому Игорь живо подхватил бутерброд с коврика, сдувая прилипшую грязь.

– Быстро поднятое упавшим не считается! – неловко пошутил он. – Правило пяти секунд.

Водитель и девушка странно переглянулись. Дальше ехали молча. Когда свернули с трассы в посёлок, начались выбоины и заплатки. Игорю как раз повезло уложиться с трапезой, не облившись чаем и не слишком накрошив. Вполне деревенская улица вдалеке упиралась в пару-тройку нелепо торчащих многоэтажек – микрорайон от какого-то местно-

го завода. Юлия повернулась к стажёру и, забирая крышку от термоса, посоветовала:

– Не вздумай Марата Рубеновича «Рубанковичем» называть! Это трудовик из какой-то клоунады по телеку. «Пельмени», что ли?

У Игоря окончательно сложилось впечатление, что его привезли не в соседний ПГТ, а в недавнее прошлое. Старый ВАЗ, браток в «адидасе», «Уральские Пельмени» по телевизору... Девочке в косухе добавить макияжа – вылитый гот.

– Здесь?

Голос водителя выдернул из задумчивости, а «айфон» в руках Юли окончательно развеял атмосферу начала нулевых.

– Да, Дим. К пятому подъезду.

Оставив машину на краю детской площадки, трое направились к одной из панельных пятиэтажек. У подъезда на лавочке сидел худощавый старик с южными чертами лица и мрачным взглядом.

– Это Игорь, новенький, – представила Юлия. – Успели?

Марат Рубенович молча пожал руку стажёру и так же молча кивнул, направляясь к двери. Все трое последовали за ним. В подъезде сильно воняло, а уборкой, видимо, давно никто не занимался. Поднимаясь на пятый этаж по заплёванной окурками лестнице, Игорь начал жалеть о недавно съеденном бутерброде. Целью оказалась самая грязная дверь с кусками утеплителя, торчащими из рваного покрытия. Сте-

ны вокруг, вместо привычных матюков, пестрели электронными адресами и обещаниями заработка «от 10к в день». Интересно, была ли деятельность конторы «Пять сек» более легальной, чем у всех этих «закладчиков»?

– Ломаю? – уточнил Дима, разминая плечи.

Марат Рубенович прикрыл глаза, потом решительно покачал головой:

– Время есть. Давайте по-тихому.

Когда Юля достала из бездонной сумки набор отмычек, Игорю окончательно стало не по себе.

– А это законно? – не удержался он.

– Зависит от результатов, – спокойно ответил старик.

Трёхкомнатная квартира выглядела как самый стереотипный притон. Зловоние и кучи объедок на столах вперемешку со стаканами, бутылками, самодельными пепельницами и шприцами. Кучи тряпья и грязные матрасы по углам. Из мебели – единственный продавленный диван в зале. Пока прочие разбрелись по комнатам и ворошили все эти импровизированные спальные места, Игорь сунулся в совмещённый санузел. Загаженный унитаз, засохшая блевотина на раковине, ванна, наполненная ржавой водой, сквозь которую просвечивало поцарапанное дно... Еле сдерживая тошноту, стажёр выбежал на грязную кухню и сделал пару глубоких вдохов у открытой форточки. За спиной засутились.

– В ванне! – крикнул Марат Рубенович.

– Да нет там... – начал было Игорь, но понял, что его ни-

кто не услышит.

Он вышел в коридор, с удивлением наблюдая, как в тесном пространстве санузла старик расстёгивает рубашку, обнажая бледный и дряблый торс. Дима стоял рядом, закатывая рукава, а Юля присела на пороге, копаясь в аптечке. Полураздетый Марат Рубенович на секунду замер, потом резко склонился над ванной, погрузив руки в мутную воду. Вдруг его словно что-то дёрнуло вниз, едва не окунув с головой. Дима тут же обхватил старика за впалую грудь и потащил на себя. Он зарычал от натуги, вены вздулись на лбу над багровеющим лицом. Сноп брызг окатил стены и потолок с громким всплеском. Здоровяк повалился на спину, увлекая за собой Марата Рубеновича и голого мокрого парня, которого они вытянули из воды.

С минуту все приходили в себя, потом Дима встал с пола, помог подняться старику, подхватил тощего утопленника на руки и поволок в зал. Пока Юля возилась с реанимацией неизвестного, Игорь всё так же тупо пялился в открытую дверь ванной. Вода явно не была настолько мутной, чтобы он не заметил в ней человека!

– Хватай тряпки! – хлопнул его по спине Дима. – Соседи снизу прибегут.

Стажёр в какой-то прострации вытирал пол, отжимая грязную воду обратно в ванну, когда из зала послышался хриплый кашель. Несмело заглянув в комнату, он увидел «утопленника», лежащего на продавленном диване. Юля вы-

тащила из вены на его запястье иглу и кинула шприц к десяткам похожих на полу. Она заметила испуганные глаза новичка и устало улыбнулась:

– К вечеру оклемается.

Обратно ехали без разговоров, под старые песни из радиоприёмника. Игорь понемногу успокаивался. Квартиру они аккуратно закрыли, ничего не украли (да и что там красть?), парня откачали. Вот только откуда он взялся? Неужели можно было его не разглядеть?

– Ты как? – Юлия дотронулась до руки стажёра.

Теперь они оба ехали на заднем сиденье, а место рядом с водителем занял Марат Рубенович.

– Мы типа волонтеров? Наркоманов спасаем?

– Типа, – усмехнулась девушка. – И не только наркоманов. Всё поймёшь со временем.

– Не могу не спросить... – замялся Игорь. – Тот парень... Я его в ванне не видел.

– А он был, – подмигнула коллега. – Как тот суслик.

У дверей конторы Марат Рубенович объявил конец рабочей смены, вручил всем зарплату и скрылся внутри. Тысяча рублей за полдня – неплохо, сегодня у Игоря будет хороший ужин. Он даже подумал, не пригласить ли Юлю в недорогое кафе, узнать побольше о ней и об их странной работе? Что-то в абсолютно неброской девушке ему приглянулось. Возможно, просто сказывалось долгое отсутствие отношений. Однако все планы нарушил Дима, который спросил:

– Кого куда?

– Меня домой! – Юля махнула рукой Игорю и пошла к машине.

– А я прогуляюсь, – задумчиво ответил стажёр, пожимая крепкую Димину руку.

В эту неделю было ещё четыре выезда по «третьему сценарию», все в пределах города. Теперь впечатлительного новичка оставляли у дверей, на случай вмешательства соседей. После манипуляций старших товарищей Игорю доставалась грязная работа. Пол в ванной он вытирал лишь однажды. В остальных ситуациях приходилось основательно заметать следы, поскольку «передозники» обнаруживались в своих постелях, а жилища выглядели вполне прилично.

Последний случай произошёл в частном секторе. Дежуря в маленьком палисаднике перед домом, Игорь заглянул через окно. Большая кровать, сбившееся в кучу постельное бельё и перина. Марат Рубенович зарылся в ворох тканей с головой и откопал маленькую старушку без сознания. На наркоманку она никак не тянула. Скорее всего, случайно отравилась многочисленными лекарствами с тумбочки. Юля быстро её осмотрела и покачала головой, после чего позволила куда-то, и группа поспешила покинуть адрес. Через несколько кварталов им навстречу проехала скорая. И сно-

ва Игорь готов был поклясться, что постель оставалась пустой, пока Марат Рубенович не запустил в неё свои руки. Хотя миниатюрная бабушка легко могла затеряться в пёстром тряпье.

Вторая неделя работы началась с неожиданного разнообразия.

– Сценарий номер два! – сходу заявил Дима вместо приветствия.

Игорь пожал плечами, открывая заднюю дверцу. Новый, ещё мало заселённый район встретил непривычно большими для их городка девятиэтажками. Белая «пятёрка» остановилась во дворе. Марат Рубенович, как всегда, ожидал на месте.

– Сиди пока! – бросил Дима и побежал с Юлей за угол.

«Херушки!» – подумал стажёр, твёрдо решивший разобраться в «сценариях». Забегая за угол дома, он услышал откуда-то сверху крик и поднял голову. Игорь всегда завидовал людям, которые машинально отворачиваются при виде какой-нибудь «жести». Сам он относился к тем, кто впадает в ступор и неотрывно смотрит на несчастных кошек, попадающих под колёса, и всё в таком духе. Даже зная, что будет до слёз жалко или до тошноты мерзко. С крыши многоэтажки падала женщина. Сейчас её голова лопнет от удара совсем рядом и забрызгает Игоря содержимым...

Тело без всякого звука нырнуло в асфальт, будто провалилось в текстуры какой-нибудь компьютерной игры. Подбе-

жавший Марат Рубенович закатил глаза, словно прислушиваясь, потом твёрдо сказал:

– Глубоко!

– Как знал! – отозвался Дима, снимая с плеча моток толстой верёвки.

Он быстро обвязал старика поперёк груди, кинул конец Игорю:

– Помогай, раз пришёл!

Марат Рубенович изогнулся и, словно опытный ныряльщик, вонзился головой и руками в асфальт, исчезнув в нём полностью.

«Без брызг...»

Верёвка дёрнулась, Игорь с Димой потянули на себя, испытывая огромное сопротивление. Подоспевшая Юля тоже попыталась внести свою лепту. Втроём они медленно вытягивали верёвку из дорожки, словно вместо твёрдого асфальта она состояла из серого сплошного тумана. «А если кто-то увидит?» – подумал Игорь. На поверхности показалась бежевая куртка Марата Рубеновича, затем вынырнул весь старик, тащивший за собой безумно орущую и брыкающуюся женщину. Юля подбежала и что-то вколола ей в плечо. Женщина вытаращила глаза ещё сильнее, но быстро обмякла и отключилась.

Игорю пришлось помогать Диме затаскивать габаритную даму в лифт, затем выносить на крышу. Юля уже вызвала скорую и полицию, сообщив о попытке суицида. Никто не

волновался, что женщина сболтнёт лишнего – в её состоянии возможен и не такой бред. Но все понимали, что стажёра, наконец, пора посвятить в тонкости.

– И как я сразу не вспомнил «Константина»? – покачал головой Игорь, которого до сих пор была мелкая дрожь. – Там ведь тоже из ванны в ад попадали...

– Ну какой ещё ад! – засмеялась Юля, покосившись по сторонам.

В маленьком кафе было немногочисленно.

– Всего лишь другая плоскость, другое измерение, что ли. Чаще всего люди просто умирают. Но если смерть самостоятельно *поторопить*, некоторые могут «упасть» в это другое измерение.

– А сценарии... Номер три – это передоз, номер два – суицид? А если суицид через передоз?

– Любой суицид под номером два, – пояснила девушка. – Тут всё дело в намеренности.

– Что тогда под номером один?

– Это особый случай. Надеюсь, тебе не придётся узнать.

– А Марат Рубенович... Колдун? Экстрасенс? Демон?

Юля мелодично рассмеялась.

– Обычный старик. Просто предвидит, когда и где это случится. Если быстро «поднять» человека, то всё будет в по-

рядке.

– Правило пяти секунд? – усмехнулся Игорь. – Поэтому «Пять сек» оставили в названии?

– Так совпало, – Юлия пожалала плечами. – Хотя суть очень похожа. Но «поднять» безопасно можно и через несколько минут. Как повезёт.

– А если опоздать?

– Тогда лучше оставить «там», – серьёзно ответила девушка.

– Микробов нахватает? Или чего похуже?

Юлия некоторое время молча ковырялась в смартфоне. Потом подняла глаза на глупо улыбающегося Игоря.

– Я тебе видюшку скинула. Дома посмотришь. Никогда не поздно соскочить.

«Поздно», – подумал Игорь, вглядываясь в невероятно глубокие зеленовато-серые радужки. Вечером, проводив Юлию до подъезда, он сделал неуклюжую попытку её поцеловать и, неожиданно, не встретил сопротивления.

– Я бы тебя пригласила, – тихо сказала девушка, – но... Пока не могу. В следующий раз обязательно!

Она кокетливо подмигнула и скрылась в подъезде. Игорь почувствовал, что целью его жизни на ближайшее время стал этот самый «следующий раз».

Файл был датирован двадцатым августа – всего за неделю до прихода Игоря в организацию. Он принёс из холодильника пиво, вылил из банки в бокал и развернул плеер на весь экран.

В кадре – очередной притон или бомжатник. Привычная махина Димы, тощий силуэт старика и незнакомый парень. Предшественник Игоря? Раньше снимали все выезды? Почему-то не видно Юли. Она за камерой? Нет, слишком неподвижно, похоже на треногу. Марат Рубенович тихо, но настойчиво убеждает в чём-то незнакомца. Тот явно упрямится. Жаль, что слов не разобрать. Махнув рукой, старик уходит в сторону. Парень поднимает с пола знакомую аптечку, извлекает какой-то ипприц, закатывает рукав и неуклюже затягивает жгут. Его руки заметно дрожат, он делает себе инъекцию, какое-то время стоит неподвижно, затем резко падает навзничь, проваливаясь в груды тряпья на грязном полу.

Пиво неожиданно перестало быть вкусным, Игорь отодвинул бокал и мрачно уставился в монитор.

Старик нервно ходит туда-сюда, потом останавливается около места «падения»:

– Да будьте вы прокляты!..

Интересно, к кому он обращается в этот момент?

– Он сам. Чистый номер один, – спокойно говорит Дима, до сих пор безучастно наблюдавший.

– Совсем мальчишка ведь!

Марат Рубенович резко отмахивается и вдруг проваливается в пол следом за своим подопечным. Несколько секунд здоровяк не двигается, потом злобно бьёт себя кулаком по бедру.

– Да вашу ж мать!

Кидается к куче тряпок, сует руку в пол, тянет за край знакомой куртки. Постепенно вытаскивает всё остальное.

– Бросай! – кричит Дима.

В руках старика бьётся что-то, лишь отдалённо напоминающее недавнего «провалившегося».

Игорь нажал на паузу и нервно протёр глаза, присматриваясь. Он стал медленно увеличивать кадр. Это, без сомнения, был тот самый парень. Но выглядел он... На фото это называется эффектом длинной выдержки, когда кадр фиксирует сразу несколько положений движущегося объекта. Веер из рук, смазанное лицо, будто состоящее из надетых слоями масок. Эффект на видео странным образом искажал только одного человека. Словно в нём одновременно пыталось уместиться несколько сущностей.

– Бросай!!! – снова орёт Дима, но уже поздно.

«Парень на длинной выдержке» вырывается из рук Ма-

рата Рубеновича, мечется по комнате, сметая предметы и круша немногочисленную мебель. В кадре снова появляется Дима с топором в руке. С трудом валит странное существо на пол, прижимает коленом грудь, размахивается...

Голова с множеством наслоившихся лиц, похожая на нелепый кочан капусты, катится в сторону камеры, разбрызгивая тёмную жидкость.

Игорь снова пожалел о том, что не умеет отворачиваться. Первой мыслью был побег. Сейчас же собрать необходимое, доехать поездом туда, куда хватит денег. Дальше – авто-стопом, в самые глухие дебри! Родни у него почти нет, друзей тоже, его будет не так-то просто найти. Обращаться в полицию не имело смысла – не станут даже разбираться, назовут видео подделкой, ещё и привлекут за клевету. А если и зашевелятся, насколько хорошо Дима всё подчистил? Найдут ли вообще обезглавленный труп? Здоровяк с топором, наверняка, найдёт «предателя» раньше...

После всего, увиденного на работе, в подлинности записи Игорь не сомневался. Но зачем ему это показали? Юлия хотела его предупредить? Она теперь тоже в опасности? Голова раскалывалась на части. Что если все трое устраивают цирк для одного зрителя? Для чего тогда заморочки с видео? Могли бы просто грохнуть его в одном из притонов. Да и Марат Рубенович не выглядел злобным господином. Скорее, жертвой обстоятельств. А из тупого качка Димы какой кукловод?

Разве что невероятно талантливый... И Юля... Юле просто очень хотелось верить.

– Ты остался из-за меня?

Под одеялом вдвоём было тепло, даже жарко. Отопительный сезон ещё не начался, но морозы уже намекали на близость зимы. Полтора месяца Игорь продолжал работать, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Иногда ему казалось, что он ловит спиной ироничные взгляды Димы. Марат Рубенович, как всегда, появлялся только на выездах, исправно платил и исчезал в конторе. С Юлей всё получилось как-то само собой.

– Юль, давай уедем вместе!

– Боишься? – девушка прижалась щекой к голой груди Игоря. – Дима не злой. Просто Витальке не повезло. Поздно подняли, успел нахватать... Другого выхода не было.

– А если такое со мной случится? А если с тобой?

– Ты правда за меня так переживаешь?

– Никогда ни за кого так не переживал, – искренне ответил Игорь. – Поехали к морю, а?

Юля посмотрела на него влажными красивыми глазами, зашмыгала носом и крепко прижалась всем телом.

– Я подумаю. В следующий раз точно скажу.

«В следующий раз...»

Холодное октябрьское утро начиналось как обычно. Дима прогревал свою развалюху, Игорь задумчиво пил чай из термоса. Их коллега, немного опоздав, забежала в проулок с мило раскрасневшимися щеками. На «второй номер», как обычно, ехали молча. С суицидниками сложнее. В отличие от коматозных нариков, их приходится «поднимать» в сознании. В очень своеобразном состоянии рассудка. Однажды Игорь спросил у Марата Рубеновича, что именно находится «там»? Старик пожал плечами и уклончиво ответил:

– Когда как.

В квартирке царил беспорядок, намекающий на разгульный образ жизни хозяйки. Картину дополнял истошно орущий младенец в облезлой кроватке. Пока Юля успокаивала малыша, занимаясь кормлением и пелёнками, старик ходил из комнаты в кухню и обратно. Он словно был сегодня не в своей тарелке, никак не находя место «падения». Наконец, он остановился прямо посреди зала.

– Здесь. Мало времени!

Дима смёл в сторону журнальный столик, который покрывала россыпь разноцветных таблеток и бутылок. Игорь посмотрел на Юлю и вдруг представил, что она держит их общего ребёнка. В сердце зашевелилось что-то давно забытое и наглухо заколоченное в самом дальнем углу. Девушка улыб-

нулась.

Громкая возня на полу заставила обернуться. Марат Рубенович вдвоём с Димой тащили из ковра лохматую рыжую девку, которая визжала и отчаянно царапалась.

– Подержи, – коллега вручила ребёнка Игорю и поспешила к «поднятой», приготовив шприц.

– Тваааарииии! – заорала рыжая, яростно отпихнула старика и вцепилась в волосы Юли, вместе с ней проваливаясь обратно в пол.

Марат Рубенович ударился головой об угол тумбочки и отключился. Игорь сунул заоравшего ребёнка в кроватку и кинулся на пол, хватая любимую девушку за руку. Раздался какой-то треск, он повалился на спину вместе с женской кистью, из которой обильно текла кровь. Видимо, «провал» захлопнулся, или что-то вроде того...

– Нееет!!! – заорал Игорь и тут же получил удар в челюсть. Когда перестала кружиться голова, сверху навис Дима:

– Не ори, баран! К воплям рыжей соседи привыкли, а на твои ментов вызовут!

– Юлю надо «поднять»! – зашипел Игорь, хватая коллегу за воротник.

«Пусть рубит меня, лишь бы её вернули!!!»

– Я не могу! Только Рубанкович может. Очнётся – поднимет. Если успеет.

Игорь беспомощно ползал, хлопая ладонями по твёрдому полу на месте недавнего «провала». Кровь на потёртом

вишнёвом ковре была почти незаметна. Юлина кисть лежала рядом, слегка подрагивая пальцами. Сама она где-то «там», с жуткой травмой, напугана и брошена, её нужно спасать! Игорь сгрёб со стола кучу таблеток и засунул в рот, даваясь и пережёвывая. Запил из первой попавшейся бутылки, улёгся на мокрый от крови ковёр и стал ждать.

К счастью, эффект наступил быстро. Сердце начало колотиться с неистовой скоростью, мысли поплыли назад и вбок вместе с окружающим пространством. Игорь почувствовал, как медленно проваливается в пол, словно в глубокую могилу. Он вспомнил, что видел такое в каком-то фильме про наркоманов, и удивился, насколько точно передали ощущения. Светлый прямоугольник наверху удалялся, постепенно уменьшаясь. В нём мелькнуло бесстрастное лицо Димы, затем Марат Рубенович, печально потирающий затылок. Между ними склонилась Юля. Девушка виновато улыбнулась, разводя руками. Обе кисти были на месте.

Игорь сидел за столом уже, кажется, целую вечность. В голове давно прояснилось, и даже перестало тошнить. Честно говоря, он не чувствовал почти ничего. Комната вокруг имела странную многоугольную геометрию. Количество углов и дощатых серых стен (потолков?) то и дело менялось. Стабильным оставался только пол, на котором стояли стол

и пара стульев. Марат Рубенович сидел напротив и что-то увлечённо рассказывал. Возможно, уже не первый час.

— ... вот потому и назвали Маратом. Хотя имя совсем не армянское.

Стажёр поймал себя на мысли, что впервые видит улыбку руководителя. Грустную, виноватую, но искреннюю улыбку.

— Ну, засиделся я. Скоро потащат.

— Пять секунд истекают? — усмехнулся Игорь.

— Увы. Там секунда, а «тут» — когда как. От мига до нескольких лет. Потому некоторые так брыкаются. Они уже и не помнят, что было в их мире. Что вообще был какой-то другой мир. Нам с тобой повезло, поговорить успели. Ты прости.

— Почему я-то?

Старик глубоко вздохнул.

— Не все «поднятые» становятся «поднимающими». Но всем, кто получил этот дар, приходится платить. Много лет назад моя семья погибла. Землетрясение... Я не выдержал, кинулся с моста. Не разбился, «провалился». «Подняли», как видишь. Таких контор много. Иной раз наткнёшься, где и не думал. Немного опоздали, я с собой пару сущностей зацепил. Хитрые, не сразу проявились. С виду — совсем как люди. Ты с ними очень хорошо знаком... У нас уговор. Они мне не мешают «поднимать», даже помогают. Но на сотню «поднятых» одного я должен отдать.

— По «сценарию номер один»?

– Именно. Наркоманы, психи, слабаки – это для них мусор. А вот человек, сознательно приносящий себя в жертву – редкая ценность.

– А до меня много было?

– В вашем городишке пока ты да Виталька. Люди тут чёрствые. Но парни на её чары ведутся, как ни крути.

Марат Рубенович встал из-за стола и печально махнул рукой:

– Не держи зла. Может, ещё и свидимся когда...

«В следующий раз», – прозвенело в голове голосом Юли.

Старик исчез, оставив ощущение, что разговор происходил много лет назад. Из-за угловатых досок всё отчётливее доносились царапанья и постукивания. Не вежливо держать гостей на пороге. Игорь схватил табурет, ощущая странную лёгкость в теле, и начал проламывать выход.

/09.2021/

Вовремя вернуть

– Не бойтесь, он только послушает!

Толя невольно вжался в серую дверцу УАЗика, когда ему в живот ткнулась уродливая башка. Она была красной и плешивой, как и остальное тело. Оба глаза напрочь заплыли под жуткими шрамами. Конопатая девчонка потянула на себя верёвку, накинутую на шею зверя.

– Пёс болеет, что ли? – нервно спросил парень, уворачиваясь от прикосновений.

– Сам ты... – почему-то обиделась хозяйка, с трудом оттащив питомца.

Вместе они пошагали прочь в сторону деревни.

– А чё я-то? – буркнул Толя, брезгливо отряхивая спецовку.

Собак он ненавидел с детства. Когда-то приёмные родители снимали жильё в многоквартирном бараке. Общий двор охраняла большая дворняга, ласковая ко всем, кроме приёмыша-первоклассника. Мальчишка быстро прикинул длину цепи и обходил зверюгу на безопасном расстоянии под оглушительный лай. Однажды хозяин натянул проволоку, чтобы собака таскала по ней цепь и бегала по всему двору. Вернувшийся из школы Толик об этом не знал. Это был единственный раз, когда он намочил штаны в сознательном возрасте,

и единственный раз, когда отец поругался с соседями. Со всеми, кроме Палыча, который с детства поддерживал мальчишку. Псину загнали в наспех сколоченный вольер, а соседский Лёшка начал дразнить «ссыклом». Теперь, спустя полтора десятка лет, Толик работал с Палычем в одной бригаде. Звеня «когтями», пожилой монтер слез со столба и грубо объяснил, что сматывать обрезанные провода не собирается.

– Зря ты его псом назвал, – заявил старший, когда УАЗик снова затрясся по разбитой грунтовке.

– А он кто? – удивился молодой напарник.

«Афроамериканец», – вертелась в голове известная киношная сцена. Но Палыч просто пожал плечами:

– Чёрт его знает. Кому как.

– Чего не добьют животину? Явно же мучается. То ли чумка, то ли ожоги...

– Всегда так. Одни мучаются, другие живут припеваючи. Тебе-то какое дело?

– А почему «послушает»? – вдруг осенило парня.

Вспомнилось, как он смеялся над знакомой продавщицей парфюмерии. В их среде все ароматы исключительно «слушали», тогда как все остальные, по старинке, «нюхали». Но едва ли за перелеском среди деревянных домиков скрывался какой-нибудь «Л'Этуаль».

– А чего тебя нюхать? – ухмыльнулся Палыч. – Сразу видно, что засранец.

Электрик сипло засмеялся, и, вторя ему, запыхтел и за-

дёргался УАЗик, но быстро заглох и остановился. Пока старший ковырялся в движке, его коллега отошёл по нужде, осматривая окрестности. Грунтовку с обеих сторон теснил по-осеннему красочный лес, до райцентра – полсотни километров. Из россыпи деревенок и хуторов здесь осталась одна Щуровка, которую они с Палычем сегодня окончательно обесточили. Когда парень вернулся к машине, старик злобно плевался, размазывая по лицу чёрные полосы.

– Что сломалось-то? – поинтересовался Толя.

– А ты что, шаришь?

– Да не особо.

– Ну и не лезь!

Палыч сел за руль, пытаясь безуспешно завести рабочую колымагу. Он покосился на стремительно темнеющее вечернее небо.

– Говорил тебе, надо с утра ехать!

Толя, которому на самом деле никто ничего не говорил, иронично хмыкнул и вытащил из кармана старый кнопочный телефон. Конечно, ни одна из сетей тут не работала.

– До Щуровки дотолкаем? – спросил он.

– Пупок развяжется, – мрачно буркнул Палыч, вытирая лицо тряпкой.

– Может, схожу в деревню, сеть поймаю?

– Приключений на задницу ты поймаешь! Тут ночуем, а утром до трассы дойдёшь, нашим позвонишь.

– Мороз ночью обещали...

Палыч открыл заднюю дверцу и забрал из микроавтобуса небольшую спортивную сумку.

– Пошли, тут недалеко.

Маленькая железная печка уютно потрескивала, в теплом воздухе приятно пахло дымком. Грубый стол, две широкие лавки по бокам, ничего лишнего. Сколько же раз старик бывал в здешних местах, если знал про этот охотничий домик? Палыч достал из сумки разные закуски, пару кружек и пачку дешёвого чая, выдал напарнику помятый чайник из-под стола:

– По тропинке иди, там речушка будет.

Шурша разноцветной листвой в полумраке, Толя порадовался, что всегда брал на работу налобный фонарик. Тропинка уводила в самую чащу, потом резко свернула и закончилась невысоким обрывом зарастающей речки. Осматриваясь в поисках удобного спуска, парень заметил вдалеке, вверх по течению, одинокий мерцающий огонёк. Как они там теперь без электричества? Керосиновые лампы, как в старину? Подёрнутая ряской вода встретила свет фонарика весёлыми бликами. Пришлось долго и осторожно разгребать растительность, чтобы не взмутить. Наконец, зачерпнув где почище, Толя накрыл чайник крышкой и поставил рядом, а сам принялся полоскать руки и умываться, с удовольствием

морщась от студёной влаги. Он что-то уловил боковым зрением и повернул голову. Течение несло в его сторону тёмный мохнатый ком. Выдра, что ли? Когда нечто зацепилось за камыши совсем рядом, свет фонарика позволил как следует рассмотреть.

Тушку развернуло брюхом кверху, и брюхо это оказалось вспоротым по всей длине. Кишки и прочие внутренности расстелились по воде жутковатой абстракцией. Крови почему-то не было. Когда человек попятился и уселся на илистый берег, громко ругаясь, зверь вдруг зашевелился и повернул голову. Затем шустро заперебирал лапами, развернулся и поплыл, вылез на противоположный берег и скрылся в кустах, волоча по земле промытые потроха. Толя отдышался, сглатывая тошноту, и выплеснул чайник в реку. Идти за водой в деревню было далеко, да и не оттуда ли плыла необъяснимо живучая тварь?

– За смертью тебя посылать! – проворчал Палыч, когда замёрзший и злой напарник ввалился в избушку. – Речку, что ль, не нашёл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.